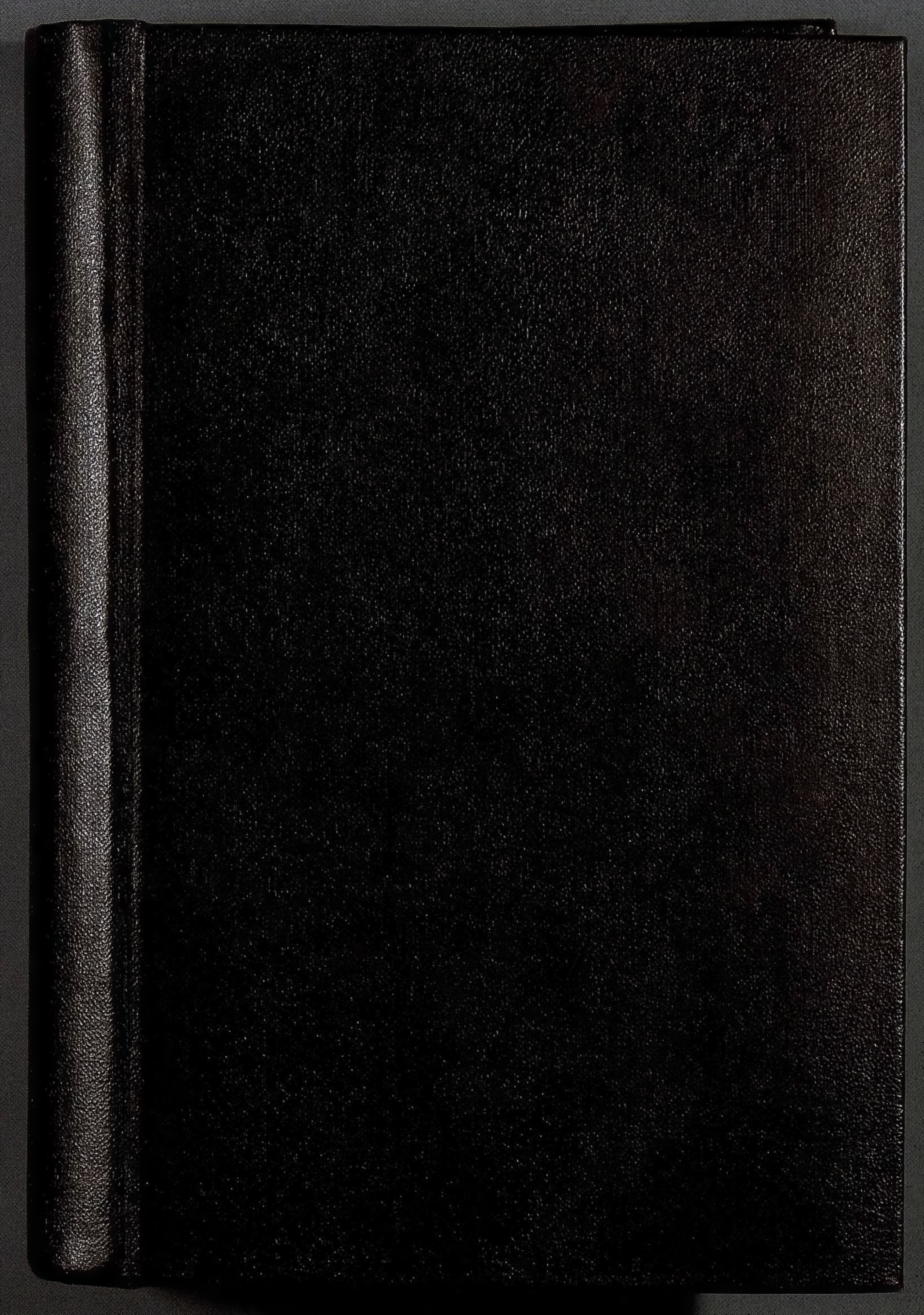

Либерализмъ и земство въ Россіи.

---

1. Земскій либерализмъ въ Россіи (1858—1883).
2. Самодержавіе, мѣстное самоуправленіе и независимый судъ.

(Первоначально напечатано въ № 1 „Свободной Россіи“ за 1889 г. Перепечатано отдѣльной брошюрой. Женева 1889 г.)

I.

Земскій либерализмъ въ Россіи.

(1858—1883.)

Реакціонеры въ Россіи не скрываютъ теперь желанія возвратить ее всецѣло къ порядкамъ, которые существовали въ ней при Николаѣ I. Не будь опасности, что такая Реставрація увѣнчается и концомъ николаевскаго царствованія, т. е. новымъ севастопольскимъ разгромомъ, который теперь поведетъ за собою, кромѣ всего прочаго, страшное обѣднѣніе Россіи, можно было бы даже пожелать осуществленія этой Реставраціи. Тогда бы обнаружился передъ всѣми сколько-нибудь мыслящими людьми полнѣйшій разладъ между правленіемъ монархически-чиновническаго самодержавія и интересами и сознаніемъ населеній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость кореннего измѣненія этого правленія, а не однихъ только поправокъ въ немъ, введенныхъ въ первую половину царствованія Александра II.

Николаевскіе порядки были завершеніемъ самодержавнаго „уклада" въ исторіи Россіи и уже въ свое время наглядно показали — въ мірѣ и на войнѣ — свою несостоятельность. Оттого, между прочимъ, именно съ николаевскаго времени начался вполнѣ органическій, непрерывный ростъ русскаго либерализма, который, чѣмъ дальше, становится изъ кружковаго — общественнымъ, изъ кабинетнаго — земскимъ. Обзоръ этого роста убѣждаетъ, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ явленіемъ, которое развивается по законамъ исторіи и неизбѣжно должно достигнуть своего торжества и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ газетной статьѣ мы не можемъ вдаваться въ сколько-нибудь полное обозрѣніе исторіи русскаго либерализма, а бросимъ только бѣглый взглядъ на крупнѣйшія его заявленія по смерти Николая I и при этомъ почти исключительно на тѣ, какія исходили вовсе не отъ людей, которыхъ бы можно было назвать теоретиками, но отъ практиковъ и при томъ отъ цѣлыхъ ихъ корпорацій. Другихъ заявленій и движеній мы будемъ касаться только мимоходомъ для оттѣненія сущности этого земскаго движенія.

При Николаѣ I изъ всѣхъ сословій сколько-нибудь организованныхъ и образованныхъ было одно дворянство. Настроеніе умовъ въ болѣе образованной части дворянства подъ конецъ правленія Николая I очень хорошо охарактеризовано въ Запискахъ А. И. Кошелева (1812—1883), гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „20 февраля 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Императора Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удушливо оно было съ 1848 года. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ и мы съ надеждами выпили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы“ (стр. 82).

Конечно, кружокъ Кошелева, состоявшій изъ самыхъ образованныхъ людей дворянства, шелъ дальше другихъ, хотя и совершенно логически отправляясь отъ факта: „своеволія администраціи“. Но фактъ этотъ чувствовался всѣми, а потому сознаніе необходимости реформы администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи и суда, и внесенія въ дѣла публичныя общественнаго контроля, хотя бы въ видѣ гласности (свободы печати), стало уже и въ то время довольно широко распространено. Сначала оно выражалось въ сочувствіи къ публикаціямъ Герцена, ко-

торыя тогда читались нарасхватъ, и въ сообщеніи ему для печати накопившейся въ послѣдніе годы царствованія Николая рукописной литературы („Голоса изъ Россіи") и обличительныхъ корреспонденцій въ „Колоколѣ" (съ 1857 г.)[1] Съ 1858 г. требованія реформъ въ отмѣченномъ направленіи стали заявляться въ коллективныхъ обращеніяхъ дворянскихъ собраній къ государю. Изъ такихъ обращеній наиболѣе опредѣленнымъ былъ адресъ дворянства Владимірской губерніи, представленный въ январѣ 1860 г. Послѣ вступленія, мѣтко характеризующаго управленіе Россіи, съ указаніемъ „на безгласность дѣлопроизводства и безотвѣтственность должностныхъ лицъ", Владимірскіе дворяне представили слѣдующую программу реформъ:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.[2]

V. Руководимое только закономъ гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

VII. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.[3]

---

[1] Программу самого „Колокола" Герценъ опредѣлялъ въ 1858 г. такъ: освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, отмѣна предварительной цензуры. тайнаго слѣдствія (III Отдѣленія) и безгласнаго суда, отмѣна тѣлесныхъ наказаній (см. письмо къ франкфуртскому сенату; ср. письмо къ Александру II, которое уже въ 1856 г. ходило въ Россіи въ рукописяхъ).

[2] Пунктъ этотъ отрицалъ Третье Отдѣленіе, административную ссылку и т. п.

[3] Что разумѣлось тогда подъ этими не совсѣмъ ясными словами VIII пункта будетъ понятно, если мы приведемъ мѣсто изъ постановленія тверского дворянства 1862 г.: „для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола . . . б) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія."

Въ томъ же 1860 г. почти того же просили и дворянства губерній Нижегородской и Ярославской; въ 1861 г. подобный Владимірскому адресъ представило и Харьковское дворянство, а еще въ 1859 году пять депутатовъ разныхъ губерній въ редакціонной комиссіи по крестьянскому дѣлу просили кромѣ того, какъ потомъ и Ярославскіе дворяне, „о допущеніи общества посредствомъ гласности обнаруживать передъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій.“ С.-Петербургское дворянство просило о „мѣстномъ самоуправленіи“. (О томъ же просили въ 1862 г. дворянства Воронежское и Московское.) Такого рода ходатайства появлялись съ 1858 г. несмотря на то, что правительство находило ихъ „не своевременными, неумѣстными“ и т. п. и дѣлало выговоры предводителямъ дворянства и главнымъ ораторамъ собраній.

Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ 1859—60 гг. (напримѣръ, особенно въ Орловскихъ) были дѣлаемы заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства“, о „правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти“, произносилось даже слово „конституція“, но такъ какъ эти заявленія исходили отъ людей партіи аристократической (по тогдашнему „крѣпостниковъ“), то часть дворянства съ болѣе демократическими идеями (по тогдашнему „либералы“ и даже „красные“) не поддерживали ихъ, надѣясь, что вполнѣ самодержавная власть, не стѣсняемая „дворянскимъ парламентомъ“, проведетъ дѣло эмансипаціи выгоднѣе для крестьянъ.[1]

---

[1] Болѣе подробно обозрѣли мы это движеніе 1858—1860-хъ годовъ въ статьяхъ „Толцыте и отверзется“ въ 56 и 57 №№ „В. Сл.“, ср. выше 664—681. Тамъ же перепечатанъ и весь Владимірскій адресъ, доставленный въ „Колоколъ“ И. С. Аксаковымъ, либеральныя письма котораго къ Герцену см. въ № 60 „В. Сл.“. Документы изъ этого движенія см. въ II т. „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“ и пр. Берлинъ. 1861. Для характеристики настроенія „красныхъ“ интересно письмо Бакунина къ Герцену съ восторженной похвалою программѣ Муравьева Амурскаго: „1. Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею, 2. Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго, 3. Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ, 4. Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура (варьянтъ въ другомъ письмѣ: „желаетъ . . . . на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры“) въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ возсоединенной Польши и борьбы на смерть съ Австріею и Турціею“. („Вольное Слово“ № 54, стр. 14). Интересно, что въ тоже

Когда послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красные" элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства" стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 года и въ цѣлыхъ адресахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адресовъ болѣе замѣчательный московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проекта реформъ („Revue de deux Mondes", 1862, 15 Juin, 793—798). Рѣзче всѣхъ были постановленія и адресъ тверского дворянства отъ 2-го февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напримѣръ, уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель) и „созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19-го февраля" (см. „Колоколъ", № 126).

Несмотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись иниціаторы тверского адреса (впрочемъ, не прямо за адресъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности мировыхъ посредниковъ), заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 года, въ которыхъ въ то же время вырабатывались и проекты мѣстнаго самоуправленія.[1]

время и сторонники дворянскаго парламента осуждали централизацію и бюрократію и выражали опасеніе, что крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, попадутъ подъ неограниченную власть чиновниковъ.

[1] Въ это время конституціонное движеніе шло и среди „разночинцевъ" и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: „Великоруссъ" (съ августа по ноябрь 1861 г.: въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), „Земская Дума" (1862), „Земля и Воля" (1862—63). (Частію перепечатаны въ „Колоколѣ", въ брошюрѣ „Летучіе Листки", въ Гейдельбергѣ и журналѣ „Свободное Слово", въ Берлинѣ 1862 г.) Пущенъ былъ при „Великоруссѣ" и проектъ адреса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими къ празднованію 1000-лѣтія Россіи въ августѣ 1862 г. Но въ

Между тѣмъ, въ западной половинѣ Имперіи шло движеніе иного рода: Польское національное движеніе несомнѣнно имѣло въ себѣ значительную долю либерализма, даже бо̀льшую, чѣмъ та, которая проявлялась въ русскомъ дворянствѣ, но, во-первыхъ, демократическое направленіе въ средѣ польскаго дворянства какъ Царства Польскаго, такъ и Западныхъ губерній, было слабѣе, чѣмъ въ русскомъ (къ такому заключенію приводитъ сравненіе заявленій представителей разныхъ губерній въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу въ 1859—60 гг.), а, во-вторыхъ, образованные поляки всѣхъ направленій хотѣли не реформы Россіи, а отдѣленія отъ нея

этомъ разночинско-революціонномъ движеніи скоро обнаружилось два направленія: конституціонное и народническое; послѣднее отнеслось отрицательно къ конституціонализму, да и ко всему „обществу“ и возложило всѣ надежды на „народъ“ (особенно на раскольниковъ) и „молодежь“ („Отвѣтъ Великоруссу“ въ „Колоколѣ“ 15 сентября 1861 г. Михайлова; „Къ молодому поколѣнію“ — его же, явилась въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1861 г.; „Молодая Россія“ — въ іюнѣ 1862 г.). При этомъ болѣе умѣренные, какъ Михайловъ, говорили: „за конституцію стало бы вѣроятно все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь“. „Молодая же Россія“ предлагала чуть не поголовное избіеніе высшихъ классовъ. Но такъ какъ въ этихъ только классахъ и существовало тогда либеральное движеніе, то направленіе „Молодой Россіи“ шло собственно совсѣмъ на перерѣзъ ему. „Молодая Россія“ называла и Герцена и „Великоросса“ отсталыми; къ тому же она, хотя и обѣщала въ будущемъ русскую федеральную республику, но въ настоящемъ предполагала „диктатуру революціонной партіи и сохраненіе теперешней централизаціи“. Такимъ образомъ, „Молодая Россія“ вносила существенное раздѣленіе въ самое революціонное движеніе, тогда федеративное. Появившись одновременно съ петербургскими пожарами, „Молодая Россія“ послужила поводомъ къ правительственной реакціи и въ то же время къ раздѣленію въ либеральномъ движеніи, отъ котораго стала отдѣляться катковская фракція, еще недавно выражавшая сочувствіе цѣлямъ тверского адреса. (Ср. „Русскій Вѣстникъ“ 1862 г. мартъ, стр. 451 и слѣд. и іюнь, стр. 848 и слѣд., а также въ „Колоколѣ“, „Молодая и Старая Россія“, „Журналисты и Террористы“, № 139 и слѣд.)

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Н. Г. Чернышевскій, который у послѣдующихъ поколѣній получилъ репутацію соціалиста революціонера (хотя дѣйствительное отношеніе его къ петербургскому революціонному движенію 1861—1862 гг. осталось не выясненнымъ) и противника конституціонализма (главнымъ образомъ, на основаніи его статей о Франціи), въ „Письмахъ безъ адреса“, изданныхъ подъ его именемъ въ 1875 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе либеральному движенію въ дворянствѣ.

Герценъ и его друзья занимали двойственное положеніе; они поддерживали либеральное движеніе въ дворянскихъ собраніяхъ и даже составили свой проектъ адреса о конституціи, но въ то же время раздѣляли народническія иллюзіи, подкрѣпляя ихъ своего рода соціалистически-славянофильскою философіею исторіи („Начала и концы“ и др. въ „Колоколѣ“ 1862 г.). По этому поводу И. С. Тургеневъ писалъ одному изъ собирателей подписей для упомянутаго адреса: „Главное наше разногласіе съ Огаревымъ и Герценомъ, а также съ Бакунинымъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонныя или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ это совсѣмъ наоборотъ, Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова, — я бы могъ прибавить — въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, существуетъ только въ меньшинствѣ образованнаго класса, и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя истреблять не будемъ“. (Неизданное письмо отъ 8 октября 1862 г.). [Письмо это было издано Драгомановымъ вмѣстѣ съ письмами Тургенева къ Герцену; ср. „Письмо К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену, съ объяснит. прим. М. Драгоманова, Женева, 1892, стр. 153. Пр. ред.]

не только Царства Польскаго, но и Западныхъ губерній. Только небольшая часть ихъ въ Царствѣ Польскомъ готова была удовольствоваться, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время возстановленіемъ конституціи 1815 г., переходомъ къ чему въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ должна была служить административная автономія Царства.

Конституціонныя требованія ясно были заявлены въ адресѣ, поданномъ многими вліятельными поляками въ Варшавѣ 28 февраля 1861 г. Въ немъ упоминалось о „вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учрежденіямъ“ и оплакивалось современное „отсутствіе въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды“. Но въ этомъ адресѣ поляки были обособлены отъ другихъ народовъ имперіи фразою, что „въ семьѣ народовъ европейскихъ только одинъ польскій народъ лишенъ свободныхъ учрежденій“. Въ отвѣтъ на этотъ адресъ правительство установило въ Царствѣ Польскомъ выборные совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе, но польскіе либералы не удовольствовались такими уступками, и въ сентябрѣ 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замойскому адресъ, за 300 подписями, въ которомъ упоминаютъ, что избиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адреса уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ предполагали подать намѣстнику заявленіе съ 20 000 подписями о томъ, что „только представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ (przy jawnej dyskussiji) можетъ выразить нужды края“, но что военное положеніе остановило это заявленіе. Адресанты поручали гр. Замойскому довести до свѣдѣнія Вел. Кн. Намѣстника, что они, „какъ поляки, только тогда будутъ поддерживать правительство, когда оно будетъ ихъ (nasze) польскимъ, и когда посредствомъ основного устава (Ustawa Zasadnicza) при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены всѣ провинціи, составляющія ихъ (наше) отечество“.

Вскорѣ за тѣмъ, 29 ноября, минскіе дворяне подали адресъ, въ которомъ желали равенства всѣхъ сословій

и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія „литовскихъ" (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ. Еще передъ тѣмъ, 1 октября дворянство Подольской губерніи пожаловалось на „отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами", но болѣе всего настаивало на „возстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Царству Польскому и Западныхъ губерній".

На первыхъ порахъ польское національно-либеральное движеніе давало новый толчекъ либерализму и въ остальной Россіи, но затѣмъ сепаратистическій характеръ польскаго движенія, особенно же отождествленіе съ Польшей и такъ называемыхъ Западныхъ губерній, а затѣмъ вмѣшательство въ польскій вопросъ иностранной дипломатіи, на которую тогда очень надѣялись польскіе патріоты, внесли рознь въ либеральное движеніе въ Россіи и способствовали его остановкѣ. Съ весны 1863 года разныя корпораціи Восточной и Южной Россіи и даже Балтійскаго края начали подавать заявленія въ пользу сохраненія цѣлости государства, при чемъ рѣдкія изъ нихъ (например, костромское дворянство) сочли тактичнымъ сдѣлать прямой намекъ на необходимость земскаго представительства, большая же часть самыхъ либеральныхъ изъ этихъ заявленій ограничивались общими словами о надеждахъ на непрерывное слѣдованіе правительства по пути реформъ. Надо замѣтить, что первоначально это адресное движеніе было направлено не столько противъ поляковъ, какъ національности, сколько противъ иностраннаго вмѣшательства и стремленій къ раздѣлу Россіи. Самарскій адресъ прямо говорилъ: „Но въ самый разгаръ борьбы ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца.... Мы сбережемъ для лучшаго времени сознаніе нашего племеннаго единства съ поляками". Этого лучшаго времени приходится ждать еще и теперь.[1]

[1] Имѣя въ виду въ настоящемъ очеркѣ преимущественно земское движеніе, мы не можемъ останавливаться на отношеніи къ польскому вопросу тогдашнихъ русскихъ тайныхъ обществъ и эмиграціи, которому мы посвятили особую книжку „Историческая Польша и Великорусская Демократія" (отд. оттискъ изъ „Вольнаго Слова" 1881 г.). Приведемъ здѣсь только выдержки изъ тогдашнихъ революціон-

Во всякомъ случаѣ въ 1863 г. либеральное движеніе было еще такъ сильно, что съ нимъ должно было считаться и правительство. Даже Катковъ, выступившій уже рѣзко и противъ русскаго революціоннаго и даже радикальнаго движенія, а также противъ польскаго сепаратизма, съ которымъ онъ сталъ уже связывать всякія автономныя движенія въ разныхъ племенахъ и областяхъ, предлагалъ созваніе всероссійскаго земскаго собора, и какъ необходимую для блага страны „организацію общественнаго мнѣнія“, и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе („Русскій Вѣстникъ“ 1863 г. мартъ, „Что намъ дѣлать съ Польшей?“).[1] Само правительство не рѣшилось отвѣтить отрицаніемъ на либеральныя требованія ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ остальной Россіи.[2] Въ манифестѣ къ полякамъ

ныхъ листковъ въ Россіи, которыя относятся прямо къ вопросу о національномъ представительствѣ. Въ проектѣ адреса, предложеннаго „Великоруссомъ“ говорилось: „Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобъ они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ“. Въ какую націю зачислить и куда созывать представителей литвиновъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ Западныхъ губерній, которыя польскіе патріоты считали частью Польши, члены „Великорусса“ не опредѣляли. Въ 1863 г. въ прокламаціи „Земли и Воли“ (4 февраля) сказано было: „Люди русскіе! заявимъ твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ Западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого захочетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ Минской и Подольской губерніи.... Заявимъ наше нежеланіе европейской войны, не соглашаясь помогать правительству въ прекращеніи польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлою совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединію нашему въ Земскій Соборъ отъ всей земли русской, для обсужденія нашего главнаго дѣла: объ нашей землѣ и волѣ.“. И тутъ осталось пробѣломъ: при какой администраціи, Польскаго ли королевства, или Россійской имперіи, производилось бы народное голосованіе въ Западныхъ губерніяхъ, если бы уже до этого могло дойти тамъ безъ европейской войны, подобно тому, какъ передъ тѣмъ было въ Савоѣ и Ниццѣ, которыя сначала, съ согласія сардинскаго правительства, Наполеонъ III занялъ своими войсками, а потомъ произвелъ и голосованіе? На такихъ пробѣлахъ основала свою силу катковщина („Р. В.“ 1863 г. № 1 „Польскій Вопросъ“), а потомъ и открытая реакція всякому, и польскому, и русскому либерализму, особенно когда крестьяне украинскіе, да и бѣлорусскіе, по своему голосовали противъ Польши.

[1] Незадолго передъ тѣмъ, когда въ 1862 г. правительство стало склоняться къ мысли установленія сейма въ Царствѣ Польскомъ, Катковъ высказалъ, что „въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ“. (Совр. Лѣт. 1862, № 26. Невѣденскій, „Катковъ и его время“, 159—160). Въ такомъ же духѣ высказался и г. Платоновъ въ запискѣ „О необходимости Государственной Земской Думы“, представленной въ петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи въ началѣ 1862 г. („Свободное Слово“, вып. 3, 189—190).

[2] Изъ польскихъ требованій императоръ Александръ II безусловно отвергалъ только присоединеніе Западныхъ губерній къ Польшѣ. Г. Ан. Леруа-Болье разсказываетъ, что, когда одинъ вліятельный польскій аристократъ (Замойскій?) сдѣлалъ объ этомъ намекъ, то Александръ II отвѣтилъ ему: „М. г., Вы знаете, что не я производилъ раздѣлы Польши, но вы не можете требовать отъ меня раздѣленія Россіи“. (Un homme d'état russe, 166.)

отъ 12 апрѣля 1862 г. оно указывало на установленные уже въ Царствѣ Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе и обѣщало „открыть новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія". „Сохраняя и теперь эти учрежденія, говорилъ дальше царскій манифестъ, мы предоставляемъ себѣ, если онѣ выдержатъ испытанія практики, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, согласно потребностямъ времени и страны."

17 апрѣля, принимая разныя депутаціи, которыя представили адреса противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ, императоръ Александръ II, который прежде выражалъ явное неудовольствіе при видѣ разсужденій дворянскихъ собраній о реформахъ, теперь какъ бы шелъ на встрѣчу этимъ разсужденіямъ, хотя и оговаривался на счетъ времени и порядка ихъ осуществленія:

„Я вѣрю вашимъ заявленіямъ преданности, — говорилъ императоръ, — повѣрьте и вы мнѣ, что вся моя жизнь имѣетъ только одну цѣль: благо нашего отечества и развитіе его гражданской жизни. Но на этой трудной дорогѣ всякая поспѣшность не только не принесетъ пользы, а можетъ быть только вредна.... Я надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе при важныхъ работахъ, которыя намъ предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, до времени, когда я сочту его возможнымъ и полезнымъ." [3]

Въ програмномъ разговорѣ, который имѣлъ Александръ II въ августѣ 1863 г. съ Н. А. Милютинымъ, онъ высказался, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Н. Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде приступа къ реформамъ политическимъ, надо окончить реформы административныя, а

[1] Мы не имѣемъ русскаго текста рѣчи, а переводимъ ее съ нѣмецкаго: Allg. Zeitung 1863, № 125, Beilage.

чтобы воспитать страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія. (См. Anatole Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe. Nicolas Milutine, 168—169; писано по замѣткамъ самого Н. А. М.) 6-го сентября Александръ II открывалъ финляндскій сеймъ и сказалъ, что „въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія".

Слова эти были приняты во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ихъ съ манифестомъ 12 апрѣля заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, какъ перваго шага къ тому. Какъ и слѣдовало впрочемъ предвидѣть, царь, не побуждаемый болѣе энергическою агитаціей, не далъ этого земскаго собора, но все же результатомъ агитаціи 1862—1863 гг. было ускореніе реформъ, которыя считались приготовленіемъ къ нему. Въ слѣдующемъ году были изданы Земское Положеніе и Судебные Уставы, а въ 1865 г. обнародованы были правила о печати, ослабившія цензуру и подававшія надежду, что печать будетъ въ скоромъ времени поставлена исключительно подъ контроль суда.

Открытіе въ 1865 г. земскихъ учрежденій оффиціальный журналъ „Сѣверная Почта" встрѣтилъ статьею, въ которой прямо назвалъ ихъ „школою представительныхъ учрежденій".

Школа эта затянулась очень долго. На то оказалось много причинъ. Во-первыхъ, время открытія земскихъ учрежденій оказалось неблагопріятнымъ для всякаго либерализма. Реакція польскому сепратизму перешла незамѣтно въ общую реакцію, которою воспользовались сторонники николаевскихъ порядковъ. Что касается до западныхъ губерній, то, по крайней мѣрѣ, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ ихъ частяхъ польское движеніе, которое здѣсь могло опираться только на панскіе слои, вызвало въ массахъ народа сильную монархическую реакцію, которую, конечно, правительство постаралось раздуть. Оказавшіяся необходимыми здѣсь,

и по народнымъ, и по правительственнымъ соображеніямъ, аграрныя реформы стали осуществляться, по совокупности всѣхъ наличныхъ условій, способомъ диктаторіальнымъ. Это обстоятельство было даже благовиднымъ резономъ, почему на Западныя губерніи, какъ и на Царство Польское, не были распространены земскія учрежденія, между тѣмъ, какъ явное сепаратистическое настроеніе польскаго дворянства дало правительству резонъ прекратить здѣсь и дѣйствіе сословныхъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ огромная полоса Европейской Россіи осталась безъ всякаго представительства, а безъ нея и общеимперское представительство являлось бы чѣмъ то оборваннымъ и ненормальнымъ.

Въ самихъ 33-хъ губерніяхъ, въ которыхъ были введены всесословныя земства, вопросъ объ имперскомъ представительствѣ оказался еще преждевременнымъ, такъ какъ въ земствахъ едва сошлись вмѣстѣ всѣ сословія и при томъ и такія, которыя до того не обсуждали еще публично не только имперскихъ, но и уѣздныхъ дѣлъ. Надо было время разнымъ сословіямъ „хоть оглядѣться". А пока всесословныя земства только парализировали политическія стремленія дворянскихъ собраній, которыя одни, по закону, имѣли право петицій прямо къ коронѣ. Когда въ 1865 г. дворянство Московской губерніи подало адресъ о „созваніи общаго собранія людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству" (перепечатанъ въ № 195 „Колокола" изъ „Вѣсти" 14 января 1865 г.), то Александръ II отвѣтилъ отказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ даже ограничилъ старое дворянское право ходатайства, заявивъ въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ, что „ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій и брать на себя починъ въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ Верховной Власти".

И характеристично, что въ свое время этотъ отвѣтъ царя на дворянское конституціонное прошеніе даже не вызвалъ въ обществѣ неудовольствія, а шагъ московскаго дворянства былъ даже почти осмѣянъ въ „Колоколѣ" въ статьѣ „Прививка конституціонной

оспы“, гдѣ Герценъ чуть не сочувственно выразился: „Царь земщины отдѣлался на первый случай удачнѣе безземельнаго царя.“[1]

Не знаемъ съ точностью, можно ли утверждать прямую связь между двумя заявленіями, но во всякомъ случаѣ интересно, что вслѣдъ за московскимъ прошеніемъ о земскомъ соборѣ появились новыя правила о печати (6 апрѣля 1865 г.), которыя всетаки представляютъ уступку либеральному движенію.

Съ тѣхъ поръ до самаго конца 70-хъ годовъ ни одно дворянское собраніе не представляло уже прошеній о земскомъ соборѣ. Не представляли ихъ и земскія собранія, какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что въ черное время даже среди передовыхъ людей изъ земцевъ, которые тогда почти всецѣло принадлежали къ дворянскому классу, даже у тѣхъ, которые видѣли тѣсноту рамокъ, отведенныхъ правительствомъ земству, господствовало мнѣніе, что уже для самаго пріобрѣтенія довѣрія низшихъ классовъ, безъ согласія представителей которыхъ невозможно никакое политическое требованіе земствъ, необходимо сначала наполнить готовыя уже рамки полезною дѣятельностью, а потомъ уже поднимать рѣчь объ ихъ расширеніи.

Надо впрочемъ отмѣтить, что много парализовала политическое сознаніе въ земствахъ и теорія, которой держались московскіе славянофилы и самодѣльные россійскіе Гнейсты, будто мѣстное самоуправленіе можетъ существовать независимо отъ политической формы государства. Теорія эта изложена была и въ книгѣ кн. А. Васильчикова „Самоуправленіе“, которая, благодаря своимъ многимъ достоинствамъ, пользовалось уваженіемъ у земцевъ. (Критику этой теоріи, см. въ III томѣ сочиненій Градовскаго „Начала государственнаго права“). Свою долю вліянія имѣло

[1] Судя по этой статьѣ Герцена, поводомъ къ адресу московскаго дворянства было опасеніе, чтобы назначеніе В. Кн. Константина Николаевича предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта не повело льготъ полякамъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адреса: „Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего простола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть.“ — Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете! замѣтилъ по этому поводу Герценъ.

и старое опасеніе „дворянскаго парламента", распространенное именно въ болѣе демократической части дворянства и литературы и продиктовавшее Кавелину еще въ 1861—62 г., во время тогдашняго либеральнаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, его брошюру „Дворянство и освобожденіе крестьянъ", въ которой вліятельный писатель совѣтовалъ дворянамъ вмѣсто конституціонныхъ вожделѣній, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія. Впрочемъ въ 1865 г., при открытіи земства, самъ Кавелинъ писалъ своимъ роднымъ: „отъ успѣха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ", но тутъ же порицаетъ конституціонную попытку московскаго дворянства, говоря: „выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой цѣли, высказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безсильную злобу и запоздалое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ дальше своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше." („Вѣстникъ Европы", 1886, октябрь, 758—759). Большая часть легальныхъ демократовъ въ земствѣ и литературѣ смотрѣла тогда на конституціонализмъ и земство, какъ Васильчиковъ и Кавелинъ, съ тою разницею, что изъ литераторовъ болѣе радикальные иронизировали даже и надъ земствомъ, какъ надъ барскимъ парламентаризмомъ въ миніатюрѣ (см. „Новый Нарцизъ" Щедрина и др.).

Въ 60-е годы изъ земскихъ собраній только одно петербургское въ январѣ 1867 г. подошло было къ вопросу о земскомъ соборѣ, обсуждая послѣдствія финансоваго закона 21-го ноября 1866 г., которымъ ограничивалось страннымъ образомъ право обложенія земствомъ промышленныхъ заведеній. Въ довольно рѣзкихъ рѣчахъ гр. Андр. Павл. Шуваловъ, подвергъ

критикѣ, какъ законъ этотъ, такъ и способъ его выработки „канцеляріями“, и предложилъ просить объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, „общими силами и совмѣстнымъ трудомъ, какъ административной власти, такъ и земства русскаго. Говорю: Земства Русскаго, сказалъ гр. Шуваловъ, потому, что вопросъ, разработанный отдѣльно, по разнымъ губернскимъ собраніямъ, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ.“ Въ собраніи предложеніе гр. Шувалова было смягчено (и затемнено) такою формулировкою: „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и земства“. (Колоколъ, 1867, № 338).

Правительство отвѣтило на это закрытіемъ петербургскихъ губернскихъ земскихъ учрежденій, а также высылкою нѣсколькихъ земцевъ въ восточныя губерніи и потомъ за-границу, но выставивъ на видъ не столько самое постановленіе петербургскаго земскаго собранія, сколько рѣзкое порицаніе имъ администраціи.[1] Другія земства не поддержали петербургскаго, хотя повсюду законъ 21 ноября вызвалъ неудовольствіе; многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ. Мы слышали отъ передовыхъ земцевъ мнѣніе, что имъ нельзя было втягивать неокрѣпшія еще учрежденія въ открытую борьбу съ правительствомъ, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія. Съ своей стороны правительство не заявляло себя противникомъ постановленія петербургскаго земства въ основѣ и даже въ его окончательной редакціи и не созывая, конечно, общаго собранія „Русскаго Земства“, изъявляло намѣреніе прибѣгать къ совѣтамъ отдѣльныхъ земскихъ собраній, напр., предложивъ имъ разработку вопроса о подушной подати въ 1870 году. Земства очень усердно поработали надъ этимъ вопросомъ; нѣкоторыя представили замѣчательные доклады по всему податному вопросу, а правительство положило всю эту работу подъ сукно!

[1] Петербургская губернская земская управа предлагала обжаловать министра внутреннихъ дѣлъ въ сенатъ.

Очень медленнымъ опытомъ лучшіе земцы были приведены къ сознанію невозможности плодотворной дѣятельности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ безъ общей политической свободы. Оказалось, что тѣсныя рамки дѣятельности земскихъ учрежденій еще болѣе стѣсняются опекою надъ ними бюрократіи, привыкшей къ произволу.[1] Высшее правительство, уже послѣ первыхъ началъ земства, стало принимать рядъ ограниченій даже и тѣхъ правъ, какіе даны были Положеніемъ 1864 года (ограниченіе права обложенія налогами промышленныхъ доходовъ, губернаторская цензура извѣстій о земствѣ, расширеніе права предсѣдателей надъ предложеніями и рѣчами гласныхъ и т. п.) Кромѣ того оказалось, что земство не можетъ успѣшно дѣйствовать при данномъ устройствѣ административно-полицейскомъ, частная реформа котораго, сдѣланная правительствомъ (установленіе назначаемыхъ исправниковъ вмѣсто прежнихъ избираемыхъ, хотя однимъ дворянствомъ) отняло у полиціи послѣднюю зависимость отъ населенія, надъ которымъ полиція окончательно налегла грубѣйшимъ гнетомъ послѣ учрежденія (1878 г.) „института урядниковъ“. Исходившіе отъ самодержавнаго правительства новыя мѣры и законы шли совершенно въ разрѣзъ съ начинаніями земцевъ въ пользу населенія. Это надо сказать особенно о министерствѣ народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), которое вело ожесточенную войну съ земствомъ, и, наконецъ, организовало свою борьбу съ земскими школами Положеніемъ о школахъ и инспекціи 25-го мая 1874 года, которымъ отмѣнялось болѣе либеральное Положеніе 1864 года. Вообще же на каждомъ шагу обнаруживалось отсутствіе перваго условія общественной дѣятельности: правъ личныхъ, особенно неприкосновенности лица и свободы печати, которыя правительство все болѣе стѣсняло

---

[1] Подробности въ брошюрѣ З. С. „Восемьнадцать лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ“. (Отдѣльный оттискъ изъ „Вольнаго Слова“) и въ „Вольн. Словѣ“ же „Земская хроника, №№ 57 и 58: „Работа и препятствія по народному образованію“, № 59, „Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ“. Ростъ сознанія у дальновиднѣйшихъ земцевъ необходимости общей земской думы можно прослѣдить по заграничнымъ брошюрамъ Кошелева, начиная съ „Наше положеніе“ (1874). Ср. „Записки Кошелева“, стр. 199 и слѣдующія. Итоги см. въ прекрасной запискѣ елисаветградскаго земства „О препятствіяхъ къ дѣятельности земства“, въ „Вольн. Словѣ“ № 55.

въ 1866 г., расширяя административную ссылку и произволъ цензуры.[1]

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ внѣшней, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входящія прямо въ оффиціальный кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, чувствительно задѣли все населеніе Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Во внѣшней политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависитъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровыя морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго возстанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизацію еще политикою „обрусенія“ (обвеликорусенія) окраинъ, оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами балканскими и едва-едва одолѣло даже одинокую на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходъ войны, съ неспособностью вождей, воровствомъ и т. п. заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ.[2]

[1] Въ 1871 г. издано было положеніе о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, а также о порядкѣ административной ссылки. Эти положенія освящали жандармско-полицейскій произволъ, до тѣхъ поръ имѣвшій внѣзаконный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отмѣна ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1872 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной ссылки, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право запрещенія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е комитету министровъ, и началось сожженіе журнальныхъ книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

[2] Связь между внѣшней и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ“ (въ газетѣ „Молва“, которая была за нее запрещена на 8 мѣсяцевъ) и въ женевскихъ брошюрахъ: „Турки внутренніе и внѣшніе“ (1876), „Внутреннее рабство и война за освобожденіе“ (1877). „До чего довоевались?“ (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи „Земли и Воли“ подъ заглавіемъ „Результаты послѣдней войны“; въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая только что вынесла на себѣ послѣдствія существующей въ Россіи политической системы). Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, примыкающую къ программѣ украинскихъ федералистовъ-панславистовъ 1847 г. (Костомаровъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1863 г., жестокаго запрещенія украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало

Внутри Россіи сложилось къ 70-мъ годамъ, почти совсѣмъ сбоку отъ земской работы, соціально-революціонное движеніе, какъ изъ западно-европейскаго соціализма, такъ и изъ туземнаго народничества, югозападную струю котораго еще въ 60-е годы помѣщики-поляки прозвали хлопо- (мужико-) маніей. Оно приняло извѣстный, „нигилистическій“ характеръ, именно вслѣдствіе отсутствія въ Россіи политической свободы.[1] Правительство, котораго агенты, вродѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатировали первыя проявленія этого теченія, съ цѣлью реакціи аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ съ соціалистами столько фактовъ произвола и насилія (особенно съ 1874 года), что довело соціалистовъ до отчаяннаго протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн. Циціанова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная съ одесскаго 26 января и кіевскаго 28 марта 1878 г.; покушеніе на оберъ-полиціймейстера Трепова 24 января 1878 г., оправданное присяжными 31 марта, покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ 23 февраля и убіеніе тамъ-же жандарма барона Гейкинга 25 мая 1878 года, причемъ въ первый разъ являются прокламаціи, подписанныя „Исполнительнымъ Комитетомъ русской соціально-революціонной партіи“).

(Русское соціалистическое движеніе 70-хъ годовъ примыкаетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ „либераламъ“ и къ „конституціи“, которую часто называли „севрюжиной“ (фраза Щедрина о помѣщикѣ, который не знаетъ, чего хочетъ

мѣста даже для болѣе скромныхъ, культурныхъ стремленій украинскаго автономизма, а потому и въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, чѣмъ и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ стремленіямъ украинофилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; смотри дальше.

[1] Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г. даже Катковымъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести: „Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отрицательныхъ явленій, не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть только одно вѣрное радикальное средстве противъ этихъ явленій, усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ, политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣста для отрицательныхъ силъ общественной жизни.“ (Р. В. 1882. іюль, 425—426. „О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева“).

„не то конституціи, а то севрюжины“). Но постепенно жестокости полиціи привели и русскихъ соціалистовъ къ борьбѣ сначала съ агентами правительства, а потомъ со всею его политической системой.

Такимъ образомъ совокупность опытовъ, которые сдѣлали разные элементы въ русскомъ обществѣ, въ ихъ соотношеніяхъ съ правительствомъ, привели, именно около 1878 года къ тому, что конституціонныя стремленія должны были вырваться наружу при первомъ удобномъ поводѣ. Поводъ этотъ дало обращеніе правительства къ обществу, по поводу убійства Мезенцева (4 августа 1878 г.) и рѣчь императора въ Москвѣ (20 ноября) о необходимости „содѣйствія (общества), чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь“.

Теперь еще не выяснены побужденія Александра II къ такимъ обращеніямъ, но, кажется, онѣ находятся въ связи съ ролью, которую игралъ въ нашей внутренней политикѣ гр. Дм. Толстой. Помѣщенный реакціонной камарильей въ министры народнаго просвѣщенія послѣ покушенія Каракозова въ 1866 г., гр. Дм. Толстой взялся уничтожить „корни нигилизма“ своей школьной системой; а между тѣмъ послѣ 10—12 лѣтъ ея дѣйствія „нигилизмъ“ только усилился. Гр. Толстому и его партіи оставалось свалить передъ монархомъ грѣхъ на общество, на отцовъ, которые-де недостаточно поддерживаютъ правительство. Монархъ, наивный, какъ всѣ самодержцы, которыхъ, по слову Мордвинова, министры „самихъ держатъ“, въ тепличной атмосферѣ, и обратился къ отцамъ. Эти отвѣтили критикой министерства народнаго просвѣщенія, да и всей системы управленія.

Пять земскихъ собраній (харьковское, полтавское, черниговское, самарское и тверское), изъ которыхъ три представляютъ подъ рядъ лежащія южныя губерніи, рѣшили отвѣтить правительству болѣе или менѣе прямымъ заявленіемъ о необходимости земскаго собора. Изъ этихъ заявленій цѣликомъ проникли въ печать три: харьковское, черниговское и тверское. Первое изъ нихъ изъявляло готовность бо-

роться съ соціализмомъ („за общественный порядокъ, собственность, семью и вѣру“), но заявляло, что при теперешнемъ порядкѣ земскія силы не имѣютъ никакой организаціи: „Всемилостивѣйшій Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соотвѣтствуетъ его природѣ; дай ему то, что ты далъ болгарамъ“. Насколько извѣстно по отрывкамъ, въ такомъ же родѣ былъ и полтавскій отвѣтъ, который изъявлялъ готовность „вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества“, но только подъ условіемъ организаціи общественныхъ силъ въ правильное представительство.[1]

Черниговскій отвѣтъ былъ чисто отрицательнаго свойства. Заявивъ, что думать, будто „идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей“, что причины зла заключаются 1. въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (системы гр. Дм. Толстого); 2. въ отсутствіи свободы слова и печати и 3. въ отсутствіи среди русскаго общества чувства законности (вслѣдствіе разобщенности) — черниговское земство „констатировало свое полное безсиліе принять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и доводило это до свѣдѣнія правительства“.[2]

[1] О неблаговидности и недальновидности такой именно постановки вопроса о политическомъ представительствѣ мы говорили тотчасъ же послѣ того, какъ состоялись харьковскій и полтавскій отвѣты (Громада, т. IV, 260 и слѣдующія). Но надо замѣтить, что фразы, вродѣ „вырвать съ корнемъ зло“ слышались отъ земцевъ послѣ такихъ заявленій тогдашнихъ русскихъ соціально-революціонеровъ, какъ, напр., прокламація, изданная именно послѣ убіенія ген. Мезенцева, въ которой было сказано, что соціалисты не имѣли въ виду бороться съ монархіей, а хотѣли только „вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнью“, и вступили въ борьбу съ правительствомъ только потому, что оно само пошло противъ нихъ. О странности такой постановки вопроса и о неизбѣжности для соціалистовъ борьбы противъ всей системы самодержавія и неизбѣжно за извѣстныя политическія учрежденія, которыя могутъ быть, если не въ республикахъ, то въ конституціонныхъ монархіяхъ, мы говорили тогда же. („Листокъ Громады“. 1878, № 1. „Коли битись, то не миритись“).

[2] Надо вспомнить, что Черниговское земство было одно изъ самыхъ дѣятельныхъ въ работѣ по народному образованію и выдержало упорную борьбу съ гр. Дм. Толстымъ за учительскую семинарію, которую министръ сначала всячески не позволялъ открывать, а потомъ хотѣлъ взять ее въ свои руки, что кончилось закрытіемъ ея. Это же земство ходатайствовало о допущеніи украинскаго языка въ начальное образованіе, противъ запрещенія 1876 г., въ изданіи котораго принималъ дѣятельное участіе опять-таки гр. Дм. Толстой. Земства харьковское и полтавское обнаружили тоже украинское самосознаніе: первое въ 1878 г. праздновало юбилей Квитки и взяло на себя изданіе его сочиненій, а второе, немного спустя, назначило сумму на исправленіе и охрану могилы Шевченка даже въ чужой губерніи (кіевской).

Тверской отвѣтъ представляетъ, какъ бы продолженіе черниговскаго, но превосходитъ его положительностью требованій, превосходя въ тоже время харьковскій адресъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, онъ всего менѣе извѣстенъ публикѣ въ Россіи. Тверскіе земскіе гласные заявляли, что „политическія преступленія и убійства... суть только внѣшніе признаки общихъ глубокихъ недуговъ", указывали на „препятствія", какія встрѣчаетъ земство въ своей заботѣ о школахъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), „на ненормальный строй въ учебныхъ заведеніяхъ" (среднихъ), откуда массами выходитъ молодежь недоучившаяся, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на „подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукою, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявлявшіяся въ студенческихъ волненіяхъ. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиваться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать". Указавъ на начатки реформъ, которыя должны были создать въ Россіи подобныя условія „мирнаго, законнаго развитія народа" и затѣмъ на административныя стѣсненія ихъ, тверскіе земцы говорили въ концѣ: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати.[1] Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій на-

[1] Изъ указаній харьковскаго и тверского земства на болгарскую конституцію видно еще разъ, какъ тѣсно связана внутренняя и внѣшняя политика Россіи, какъ война 1877—1878 должна было поднять либеральное движеніе въ Россіи, а въ тоже время указаніе русскихъ либераловъ на Болгарію должно было заставить русское правительство поддержать противоконституціонныя попытки въ Болгаріи, отчего произошли всѣ дальнѣйшія событія въ этой странѣ, которыя и теперь уже столько стоятъ Россіи.

родъ съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія.“

Какъ ни малочисленны и сдержанны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя и русскіе соціальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чисто политическія требованія, между прочимъ и „постоянное народное представительство“.[1] Активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая революціонная группа „народовольцевъ“, рѣчи ихъ товарищей на процессахъ несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ, несмотря на то, что формы этой борьбы, особенно направленіе ударовъ прямо на царя, не всѣми оправдывались, а угрозы уцѣлѣвшихъ послѣ 1 марта 1881 г. членовъ „Исполнительн. Комитета“ и новому царю убійствомъ же, если онъ не созоветъ народнаго собранія, были, по меньшей мѣрѣ, нетактичны и преждевременны, и въ личномъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и идейная постановка политическаго вопроса „народовольцами“ была часто неудачна, начиная отъ самого имени „партіи Народной Воли“ (voluntas, а не libertas), которое, какъ многое другое въ заявленіяхъ партіи, очевидно вышло изъ компромисса но-

[1] Липецкій съѣздъ, на которомъ правильно сложился „Испол. Комитетъ“ (III-й) и впервые ясно поставлена была политическая программа въ средѣ новѣйшихъ русскихъ соціалистовъ, отбылся 17—21 іюня 1879 г.; № 1 „Народн. Воли“ вышелъ 7 октября 1879 г. Этому повороту предшествовалъ цѣлый рядъ вооруженныхъ сопротивленій, преимущественно въ Кіевѣ, учрежденіе генералъ-губернаторствъ и почти осаднаго положенія по всей Россіи, вслѣдствіе покушенія Соловьева, относительно цѣлесообразности котораго существовало раздѣленіе въ средѣ петербургскихъ революціонеровъ народниковъ, и затѣмъ рядъ смертныхъ казней въ Петербургѣ и Кіевѣ. Любопытно, что, по показанію біографа Желябова, не только „терроръ“, т. е. систематическій отвѣтъ убійствомъ на преслѣдованія правительства, „гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера“, но и принятіе на Липецкомъ съѣздѣ политической программы, требовавшей „учрежденій, при отсутствіи которыхъ никакая дѣятельность невозможна“, было поддерживаемо преимущественно „южанами“. (А. И. Желябовъ, 16—23.) Обстоятельство это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ это время либеральныя политическія стремленія проявились съ наибольшею силою въ южныхъ же земствахъ и что въ заграничной печати политическая либеральная программа ставилась прямѣе въ украинскихъ публикаціяхъ. Югъ же Россіи былъ ближе и къ театру войны 1876—1878 г. и потому видѣлъ отчетливѣе общее безобразіе господствующей въ Россіи политической системы.

выхъ либеральныхъ стремленій со старымъ народничествомъ. Въ частности письмо „Исполн. Комитета къ Александру III“, замыкавшее первый періодъ въ дѣятельности народовольцевъ и открывавшее второй, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо менѣе удачный, и въ свое время, читавшееся нарасхватъ въ разныхъ слояхъ общества, было по своимъ политическимъ идеямъ даже шагомъ назадъ сравнительно съ тѣмъ, до чего уже было додумались „террористы“ въ 1879 г., такъ какъ въ письмѣ этомъ такія основныя права человѣка и гражданина, какъ свобода печати, слова, сходокъ, требовались только „въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія Народнаго Собранія“, а о гарантіяхъ неприкосновенности личности безъ суда ни слова не говорилось и даже давалось за всю партію обѣщаніе „безусловно подчиниться рѣшенію Народнаго Собранія“.[1] Но при тогдашнемъ настроеніи почти всего образованнаго слоя въ Россіи противъ самодержавія, на всѣ такіе недостатки постановки вопроса о политической свободѣ у народовольцевъ мало кто обращалъ вниманіе; каждый, вслѣдъ за многими изъ самихъ революціонеровъ, истолковывалъ и дополнялъ заявленія народовольцевъ по своему, въ болѣе или менѣе либеральномъ смыслѣ, и „Письмо Исп. Ком. ‚Н. В.‘ къ Александру III“ читалось нарасхватъ въ разныхъ слояхъ общества.

Таково было въ 1879—1881 гг. настроеніе значительной части русской „интеллигенціи“, хотя въ литературѣ (запрещенной и легальной) извѣстныя фракціи „народниковъ“ все еще считали умѣстнымъ ворчать противъ „либерализма“, какъ дѣла „буржуазнаго и дворянскаго“, и бросать палки въ колеса освободитель-

---

[1] Что до гарантій личной неприкосновенности, то о нихъ не говорилось даже въ „Программѣ Испол. Комитета“, что тѣмъ болѣе странно, такъ какъ и вооруженныя сопротивленія (наиболѣе героическія дѣйствія русск. соціал. революціонеровъ) и весь „терроризмъ“ возникъ на этой почвѣ, и на Липецкомъ съѣздѣ объ этомъ говорилъ Желябовъ (см. біографическую брошюру о немъ, 23). По разсказу г. Тихомирова (La Russie Politique et Sociale, I изд. 281) одинъ изъ первыхъ южныхъ террористовъ, Ивичевичъ, — смертельно раненый при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г., — говорилъ ему въ 1878 г. „мы будемъ наказывать правительство за всякое его злодѣйство; мы будемъ его терроризировать и заставимъ его признать права человѣка“. Чѣмъ объяснить эти пропуски и отклоненія въ Программѣ и Письмѣ И. К.? Забывчивостью ли, или компромиссомъ съ народничествомъ и якобинствомъ („захватъ власти“), которое всегда проявлялось въ журналѣ „Народная Воля“, а послѣ 1-го марта 1881 г. и гибели болѣе либеральныхъ членовъ кружка взяло въ немъ верхъ?

наго движенія, думая, что онѣ тѣмъ служатъ „народнымъ“ интересамъ. Что до сословныхъ и земскихъ собраній, то здѣсь, конечно, противоправительственное настроеніе было болѣе сдержанно, но и здѣсь, въ 1880—1881 гг. количество заявленій о созывѣ общаго представительства страны, а также о необходимости свободы печати и обезпеченія личной неприкосновенности, — правъ, совсѣмъ уже безцеремонно попиравшихся правительствомъ подъ предлогомъ борьбы съ соціалистами-революціонерами, значительно увеличилось.[1]

Но ростъ политическаго земскаго сознанія за предпослѣдніе годы всего характернѣе выразился въ отвѣтахъ, какія вышли отъ земскихъ собраній на предложеніе правительства отъ 20-го декабря 1880 года высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій подобно тому, какъ въ 1870 году земства призывались подать мнѣнія о подушной подати. Въ отвѣтахъ своихъ земства представили цѣлую систему преобразованія не только частно крестьянскихъ учрежденій, но всей системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проекта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ.[2] Важно, что рядомъ съ стремленіемъ къ административно-политическому самоуправленію изъ земствъ выходили и проекты экономическихъ мѣръ въ пользу крестьянства.

Правительство опять, какъ въ 1862—63 гг., поставлено было въ необходимость сдѣлать уступки общественному движенію: цензура была ослаблена и образована комиссія, которая должна была выработать проектъ закона о подчиненіи печати только суду; ненавистный молодежи, печати и земствамъ министръ

---

[1] Важнѣйшія данныя сведены въ берлинской брошюрѣ 1883 г. „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи“; здѣсь упомянуты четырнадцать заявленій изъ этого времени, и конечно, не всѣ. Интересно, что хотя нѣкоторыя изъ этихъ заявленій говорятъ и объ „вырываніи съ корнемъ крамолы“, то другіе говорятъ „объ умиротвореніи общества“, посредствомъ свободы.

[2] См. въ „Вольн. Словѣ“ Земскіе проекты въ №№ 52 и 53 и „Земская хроника: Административно-политическіе вопросы“ (между прочимъ и о созданіи новой земской единицы — области) въ №№ 60—62.

народнаго просвѣщенія гр. Дм. Толстой былъ удаленъ; наконецъ, въ февралѣ 1881 г. сталъ приготовляться (при участіи и наслѣдника) проектъ подобія земскаго собора, въ видѣ созыва представителей отъ земствъ и большихъ городовъ для подачи совѣщательнаго голоса по дѣламъ, которыя предложитъ имъ правительство.[1] Отнюдь нельзя объяснить эти уступки только личнымъ характеромъ Александра II и графа Лорисъ-Меликова, хотя, конечно, нельзя вовсе и отрицать доли значенія личностей въ такихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Кошелева (стр. 218) видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ ему сочувствіе его брошюрѣ „Наше положеніе". Но на него несомнѣнно должно было подѣйствовать пребываніе въ 1879 г. генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ, въ краѣ, три губернскія земства котораго подали извѣстныя заявленія. Гр. Лорисъ-Меликовъ, человѣкъ, сравнительно съ нашими обыкновенными „помпадурами" просвѣщенный и наблюдательный, вдобавокъ, какъ провинціалъ, не былъ ослѣпленъ узостью взглядовъ и своекорыстіемъ петербургской сановной бюрократіи и потому долженъ былъ понять, что дальше противиться общественному сознанію было, если еще не непосредственно опасно, то очень неблагоразумно и для монархіи.[2]

---

[1] Такъ опредѣляетъ составъ и задачу этого собранія г. Anatole Leroy-Beaulieu, l'Empire des Tsars et les Russes, II, 598 и слѣд., „со словъ одного министра того времени". Ср. показанія кн. Юрьевской, нѣсколько спутанныя, въ книгѣ г. V. Laferté. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, 1882, 24—25, и слова Кошелева дальше. По разсказу пр. W. Müller („Politische Geschichte der Gegenwart", XV, 208) рескриптъ Александра II на имя гр. Л.-М., былъ подписанъ 25 февраля (ст. ст.) и говорилъ объ усиленіи государственнаго совѣта уполномоченными отъ дворянскихъ собраній, земствъ и городовъ. Нѣкоторые („В. Слово", 1882, № 44) увѣряютъ, что подобный проектъ былъ представленъ еще въ концѣ 1879 г. вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ и гр. Валуевымъ, но тогда былъ признанъ несвоевременнымъ.

[2] Учрежденіе послѣ покушенія Соловьева чистыхъ сатрапій, въ видѣ временныхъ генералъ-губернаторствъ (5 апрѣля 1879 г.), съ ихъ стѣснительными мѣрами, съ казнями, которыя иногда даже трудно было мотивировать (какъ, напримѣръ, нѣкоторыя Чертковскія казни въ Кіевѣ), и массовыми ссылками въ Новороссіи, въ которыхъ потомъ, говорятъ, самъ гр. Тотлебенъ каялся, сваливая вину на г. Панютина, все это подняло общественное сочувствіе къ революц. террористамъ и къ самому цареубійству, даже у людей, всего менѣе похожихъ на нигилистовъ, даже у такихъ, которые рѣшительно не одобряли покушенія Соловьева. (Мы могли бы сообщить нѣсколько характерныхъ случаевъ въ подтвержденіе этого показанія.) Несчастный Александръ II самъ осуждалъ себя на смерть, не понявъ урока, даннаго его присяжными, оправдавшими г-жу В. Засуличъ; отождествивъ самъ себя съ Треповымъ, Мезенцевымъ, и потомъ воплотившись въ Чертковыхъ и т. п., онъ сталъ ненавистенъ соціалистамъ и по меньшей мѣрѣ противенъ значительной части русскаго общества ко времени взрывовъ на московско-курской желѣзной дорогѣ (19 ноября

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ коснуться довольно распространеннаго за границей и въ Россіи мнѣнія о томъ, что не случись убіеніе Александра II, политика гр. Лорисъ-Меликова довела бы Россію до политической свободы. Не знаемъ, каковы собственно были намѣренія самаго гр. Лорисъ-Меликова. На этотъ счетъ въ запискахъ Кошелева сказано только слѣдующее: „Отъ него (гр. Л.-М.) узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учрежденій“ (стр. 253). Изъ этихъ строкъ, равно какъ изъ извѣстнаго разговора гр. Лорисъ-Меликова съ петербургскими редакторами, въ которомъ онъ показывалъ перспективу пятилѣтняго срока для однихъ второстепенныхъ перемѣнъ, видно, что онъ расчитывалъ тянуть дѣло долго, между тѣмъ, какъ положеніе дѣлъ, — самая, если хотите, нервозность тогдашняго настроенія (а для нервозности было не мало причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, начиная съ 1876 г.), — все требовало скорыхъ рѣшеній. Въ другое время, при болѣе нормальномъ ходѣ дѣлъ, при государѣ твердомъ, можно и даже, можетъ быть, должно бы было приготовлять страну къ земской думѣ посредствомъ „оживленія и утвержденія“ провинціальныхъ земствъ, или лучше очищенія ихъ отъ порчи, которую внесъ въ нихъ гнетъ самого правительства, но и въ такомъ случаѣ надо было прежде всего избавить земства отъ всѣхъ путъ, наложенныхъ на нихъ съ 1866 г. А гр. Лорисъ-Меликовъ не сдѣлалъ и этого. Далѣе, при данныхъ условіяхъ, при характерѣ Александра II и

1879 г.) и въ Зимнемъ дворцѣ (5 февраля 1880 г.). Это довольно широко распространенное въ обществѣ сочувствіе къ цареубійству въ концѣ 1879 и началѣ 1880 гг. поддерживалось и слухами о симпатіяхъ наслѣдника къ земскому представительству, хоть на Аксаковскій ладъ.

петербургскаго бюрократическаго сановничества (тотъ и другое себя показали еще во время реформъ въ 60-ые годы) даже въ случаѣ созыва совѣщательной комиссіи, надо было ожидать колебаній и реакціи со стороны правительства и путаницы, во всякомъ случаѣ большей, чѣмъ какая бы была послѣ торжественнаго созванія земской думы. Очевидно, гр. Лорисъ-Меликовъ не хотѣлъ или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на царя въ пользу этой думы, конечно, и потому, что „общество" и „земство" сами не достаточно давили на правительство. Въ тоже время гр. Лорисъ-Меликовъ оказался плохимъ психологомъ и въ другомъ направленіи — въ сторону революціонеровъ, — не понявъ, что именно гоненія противъ личностей ихъ и ихъ товарищей и ожесточили ихъ до систематическихъ усилій къ цареубійству. Вмѣсто того, чтобы смягчить положеніе политическихъ арестантовъ, если уже нельзя было дать полной амнистіи, гр. Лорисъ-Меликовъ еще усилилъ гнетъ надъ политическими каторжниками, въ противность даже представленіямъ начальника на р. Карѣ, г. Кононовича, который и долженъ былъ выйти въ отставку. Даже административную ссылку гр. Лорисъ-Меликовъ не только не отмѣнилъ, но даже не ограничилъ, такъ какъ, возвративъ нѣсколько десятковъ сосланныхъ прежде, онъ выслалъ еще болѣе новыхъ. Въ довершеніе, гр. Лорисъ-Меликовъ не прекратилъ и смертныхъ казней и допустилъ даже такія ни чѣмъ не мотивированныя казни, какъ Розовскаго и Лозинскаго въ Кіевѣ. (О нихъ см. въ „Громадѣ", V. Т., 87—88, 93). Быть можетъ, гр. Лорисъ-Меликовъ думалъ, показывая, что онъ „не щадитъ крамолы", тѣмъ легче склонить монарха къ уступкамъ „благоразумному элементу общества". Можетъ быть, и это было также тонко, какъ и медленные подходы къ земской думѣ. Но, гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать также о политикѣ гр. Лорисъ-Меликова, какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества и земства. Послѣднее сдѣлало достаточно, чтобъ поставить вопросъ о свободѣ, но мало, чтобы дать ему безповоротное разрѣшеніе при всякихъ случайностяхъ.

Крупнѣйшія же изъ этихъ случайностей, а именно, возможность убіенія Александра II (или во всякомъ случаѣ новой къ тому попытки), а затѣмъ неизбѣжность придворной реакціи, должны были быть предвидѣны людьми, которые желали быть серьезными политическими дѣятелями.[1]

Во всякомъ случаѣ даже послѣ смерти Александра II и паденія гр. Лорисъ-Меликова новое правительство не посмѣло сразу пойти противъ общественнаго движенія, всетаки довольно широкаго. Даже отложивъ въ сторону проектъ о совѣщательной комиссіи, о которомъ однакожъ оно сначала допускало толки, и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, оно всетаки предложило обществу земскихъ свѣдущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свѣдущіе люди будутъ созываться и впредь“ для того, чтобы самые жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ.[2] Несмотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свѣдущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія зем-

---

[1] Со сказаннымъ выше ср. то, что мы говорили тотчасъ послѣ воззванія графа Лорисъ-Меликова къ обществу (14 февраля 1880 г.) въ брошюрѣ „Соловья баснями не кормятъ“ (выше стр. 255—265), и скоро затѣмъ въ другой „Терроризмъ и свобода, муравьи и корова“ (выше стр. 285—310), гдѣ мы, критикуя иллюзіи тѣхъ „террористовъ“, которые думали добиться въ Россіи свободы безъ широкаго общественнаго движенія (Морозовъ, „Террористическая борьба“), въ то же время отвѣчали на странную статью „Голоса“, словно писанную по порученію гр. Лорисъ-Меликова, въ которой „Голосъ“ обращался къ намъ лично, чтобъ мы уговорили террористовъ не мѣшать муравьиной работѣ гр. Лорисъ-Меликова и его поклонниковъ. Интересно, что въ тоже самое время и на совсѣмъ противоположномъ намъ концѣ общества скептическое отношеніе къ политикѣ гр. Лорисъ-Меликова выразилось въ приложеніи къ нему (говорятъ, гр. П. Шуваловымъ, бывшимъ шефомъ III отдѣленія) восточной басни о дервишѣ, который взялся выучить царскаго осла читать, но только въ 10-лѣтній срокъ, расчитывая, что до тѣхъ поръ или царь, или онъ, или оселъ помретъ. Изъ сопоставленій показанія кн. Юрьевской и г. Ан. Леруа-Болье выходитъ, будто указъ о совѣщательной комиссіи былъ подписанъ Александромъ II 1-го марта 1881 г. и былъ отосланъ гр. Лорисъ-Меликову съ тѣмъ, чтобы появиться въ печати на другой день, и будто, прибывъ, послѣ убіенія Александра II въ Зимній дворецъ, гр. Лорисъ-Меликовъ спросилъ Александра III, который принималъ участіе въ выработкѣ этого указа, — что дѣлать съ этимъ указомъ? — на что получилъ отвѣтъ: „не измѣняй ни въ чемъ приказанія моего отца; пусть это будетъ его завѣщаніемъ“. Если это правда, то почему же гр. Лорисъ-Меликовъ не поспѣшилъ обнародовать уже набранный указъ, какъ это сдѣлалъ въ свое время Ланской съ рескриптами, отъ которыхъ безповоротно началось дѣло освобожденія крестьянъ?

[2] Передъ тѣмъ полтавскій предводитель дворянства г. Устимовичъ, авторъ проекта конституціоннаго адреса 1879 года, заявилъ открыто въ губернскомъ дворянскомъ собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призоветъ представителей страны къ участію въ законодательной работѣ.

скія собранія высказались, „что только вызовъ свѣдущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новгородское земство), можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящія отлагательства реформы". Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губернскихъ земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, псковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и калужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось. Если къ этимъ 13-ти земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, причемъ ораторъ противъ него (г. Щербань) находилъ его только несвоевременнымъ и безтактнымъ тотчасъ послѣ 1-го марта 1881 г. и просилъ оказать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный", то получимъ семьнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которыя опредѣленно высказались за земскій соборъ.[1] Къ земскимъ заявленіямъ слѣдуетъ прибавить заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (петербургскаго и черниговскаго) и городскихъ думъ (черниговской, казанской), а также рѣчь московскаго городского головы, г. Чичерина, на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году.[2]

---

[1] Изъ неземскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворянствѣ и бюргерствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ, не говоря уже о Царствѣ Польскомъ, въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило поддержки, даже нравственной, этихъ нерусскихъ элементовъ западной полосы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время соціальный и національный антагонизмъ, какой существуетъ въ этой полосѣ между высшими и плебейскими классами, тянетъ послѣдніе къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между ихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства, но съ гарантіями для національностей и областного самоуправленія, — тогда борьба съ петербургскимъ самодержавіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

[2] Сравнительная малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 года, которое почти совершенно устранило отъ участія въ муницальныхъ дѣлахъ наиболѣе образованную часть населенія — квартирантовъ.

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало для того, чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хочетъ, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство попробовало послѣднее средство. Уже и прежде подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой" правительство распоряженіями 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило всѣ выборы земскіе и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволъ губернаторовъ, т. е. собственно полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы", гр. Дм. Толстой, задумалъ уничтожить всесословное земство своимъ проектомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ предстоитъ окончательное обсужденіе этого революціоннаго проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проектъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать tabulam rasam по всѣмъ земскимъ губерніямъ со всѣмъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ и, кромѣ того, отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 годахъ правительство, состоящее изъ людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей:

1. Устраненіе всѣхъ искаженій земскаго положенія, сдѣланныхъ послѣ 1865 г.

2. Созывъ делегацій отъ существующихъ земскихъ собраній, по крайней мѣрѣ, губернскихъ для выработки проектовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проектовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3. Распространеніе земскихъ учрежденій на западную половину Имперіи.[1]

Рядомъ съ этимъ должно бы идти:

4. Огражденіе закономъ наиболѣе насущныхъ личныхъ правъ, какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого — сходокъ) и, наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предъидущаго:

5. Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населеній Россіи были бы частью удовлетворены, частью получили бы себѣ законные пути для своихъ выраженій, и внутреннее развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство, представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанію, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—1863 годахъ, а также въ 1879—1883 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о пріобрѣтеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 годовъ съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ отчетливости

[1] При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Западныя губерніи, такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію „предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ по сношенію съ мѣстными ген.-губернаторами въ Западныхъ губерніяхъ войти въ соображеніе о времени и способахъ введенія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ губерніяхъ“ этихъ. Что до Царства Польскаго, то здѣсь дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ пріостановлено лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польскаго возстанія прошло уже 25 лѣтъ, — и теперь нѣтъ ровно никакого резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь исходитъ отъ собраній всесословныхъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организаціи силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой внушительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ, напримѣръ, послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половиною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между сосѣдними губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣколько опытовъ сговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организаціи и очень много вялости и распущенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ теперь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія изъ этихъ свѣдѣній тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ „Century“ (1887 г., Novembre), и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общемъ Дѣлѣ“ подъ заглавіемъ: „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“. Мы встрѣчаемъ здѣсь „Записку, поданную въ мартѣ 1880 г. графу Лорисъ-Меликову 25-тью именитыми московскими гражданами, — въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностью писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???) — и въ предисловіи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленіяхъ земскихъ собраній 1879 г. и о сношеніяхъ земскихъ либераловъ — „Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила иниціатива этихъ заявленій, — съ террористами, съ

цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратить правительство на путь реформъ.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неполноты и неточности, и вся хронологія событій у него спутана. Вполнѣ вѣрно здѣсь только то, что съ соціальными революціонерами, между которыми только что появились „террористы“, были въ 1878 г. въ Кіевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. Кеннанъ, но только еще до убійства шефа жандармовъ Мезенцева (4-го августа) и тотчасъ послѣ покушенія въ Кіевѣ на товарища прокурора Котляревскаго (23 февраля) и убійства жандармскаго офицера бар. Гейкинга (25 мая), — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ появились прокламаціи, подписанныя „Исполнительнымъ Комитетомъ Русской Соціально-Революціонной Партіи“, который принималъ на себя эти дѣйствія.[1] (Передъ тѣмъ покушеніе на оберъ-полиційместера Трепова 25 января 1878 г. представлялось какъ дѣйствіе индивидуальное; процессъ г-жи В. Засуличъ былъ 31-го марта 1878 г.) Уговаривая „террористовъ“ отказаться отъ ихъ способа дѣйствій или хоть пріостановить ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленіе правительству: сначала 1. о возстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 года, 2. объ устраненіи административной ссылки и спеціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ,[2] и затѣмъ, каковъ бы ни былъ отвѣтъ правительства 3. о созваніи общаго земскаго представительства. Кіевскіе соціальные революціонеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе, — и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные“ элементы болѣе

---

[1] Въ высшей степени интересны показанія объ этихъ переговорахъ очевидца и участника В. Дебогорія-Мокріевича въ его „Воспоминаніяхъ“, — чрезвычайно важномъ и цѣнномъ источникѣ для исторіи и характеристики перехода русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ отъ мирной пропаганды соціализма къ политической и террористической борьбѣ. Ср. Вл. Дебогорій-Мокріевичъ, „Воспоминанія, Paris 1894—99, гл. XV—XIX, особенно стр. 299 и сл. Прим. ред.

[2] Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи предполагалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовнаго судопроизводства по Судебнымъ Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя политическія преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присутствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 года, а также отмѣна совершенно противныхъ духу Судебныхъ Уставовъ 1864 года „правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій“ 1871 г.

или менѣе радикальнаго направленія, въ томъ числѣ и нѣсколько человѣкъ украинскаго направленія. Образовавшійся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ назвали не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—1881 годахъ даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія", или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги, между тѣмъ, пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда гр. Игнатьевъ въ началѣ 1882 г. основалъ комиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ", то указалъ ей, кромѣ Земской Лиги или „Земскаго Союза" съ его органомъ „Вольное Слово", еще три Лиги: Либералную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто бы при помощи Земской Лиги, думала заводить „интеллигентныя" земледѣльческія колоніи по идеямъ профессора Энгельгардта (пятое общество было „Черный Передѣлъ"). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану", которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ „Вольномъ Словѣ" № 41, „Дѣятельность „Священной Дружины" и программа „Добровольной Охраны"), и даже „Священную Дружину" или „Друж. Спасенія", добровольныхъ жандармовъ и шпіоновъ, возникшую при градоначальникѣ Барановѣ, члены которой замышляли даже дуэли и контръ-аттентаты противъ воображаемыхъ ими заграничныхъ распорядителей цареубійствомъ.[1] Лица разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати.[2]

---

[1] Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ан. Леруа-Болье (Указ. сочин. II, 162).

[2] См. „Общее Дѣло" и „Le Révolté" 1881—1882 гг., „Календарь Народной Воли" на 1883 г. и друг., а также „Правду" (террористически-анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ 1882—1883 гг. агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой комиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла, между прочимъ, „Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 іюня 1882 г." напечатанная въ 1883 г. въ „Общемъ Дѣлѣ" № 54. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской га-

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кіевскомъ опытѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которые, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто-бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ что если правительство удовлетворитъ ихъ, то „партія откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе“. (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представленъ былъ харьковскимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣенкомъ.

Не смѣемъ рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, но его нѣтъ резона обобщать тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ Россіи никакой пріостановки политическихъ убійствъ не воспослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣенкомъ (членомъ Либеральнаго Комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызвать симпатій у русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочныя данныя о русскихъ либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было; не могли тогда ни въ какомъ случаѣ установиться между

зетѣ „Nowa Reforma“.) Въ запискѣ этой говорится о кіевскихъ либеральныхъ начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ политическихъ подсудимыхъ, а кромѣ того, частью невольно, по невѣдѣнію, столь свойственному русской полиціи, а частью съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кіевское украинофильство, женевская „Громада“, „Земскій Союзъ“ съ „Вольнымъ Словомъ“, „Добровольная Охрана“ и „крамола“, представляемая Теловымъ и Тигромъ (г. Левъ Тихомировъ). Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще не время критически разбирать подобные документы; обнародованіе ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ — „судейкинскимъ“. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаружили гораздо больше ловкости для разъединенія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

ними и какія-бы то ни было и соглашенія, по различію какъ мнѣній, такъ и всего habitus'а обѣихъ сторонъ.[1]

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя отношенія съ революціонерами, а также какъ шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ соціалистами-террористами, кіевская лига рѣшилась всетаки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній для достиженія указанныхъ выше цѣлей, а также оказывать помощь опубликованію разныхъ недовольствъ существующимъ политическимъ порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галицію. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кіевскаго университета въ 1878 г.“ (тогда было выключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальнія губерніи, при чемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры: „Русская молодежь, правительство и общество; съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета (противъ избіенія студентовъ казаками) и доклада совѣта ст.-петербургскаго университета“ (объ отношеніяхъ полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Бли-

---

[1] По показанію г. Кеннана условія, изложенныя „террористами“ „Либеральному Комитету“ были: 1. „устранить существующія стѣсненія слова и печати, 2. гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоотвѣтственныхъ (?) поступковъ исполнительныхъ властей и 3. призвать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участію въ управленіи. По всѣмъ же другимъ свѣдѣніямъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ соціалистамъ 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносиленъ „конституціи“. По словамъ біографа Желябова (стр. 16), южные террористы въ 1878 году на замѣчанія: „Вы признаете, значитъ, необходимость политической свободы?“ — отпирались: „намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы, пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой“ (конечно, соціалистической агитаціи!). Петербургская прокламація по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутаго выше изложенія взгляда соціалистовъ на буржуазію и правительство, ставитъ послѣднему такія требованія: 1. свобода слова и печати, 2. судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3. амнистія за прежнія политическія преступленія“, но ни слова не говоритъ о „призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участію въ управленіи“ (Tikhomiroff, La Russie politique et sociale, 1 изд., 440). Сколько намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ „конституціи“ появилось только къ концу 1878 г. у нѣкоторыхъ кіевскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, какъ, напр., у Осинскаго, но считалось ихъ товарищами за мнѣніе, вполнѣ еретическое.

жайшія задачи земства; съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губернскаго земскаго собранія на правительственное обращеніе“ и проч. — не увидѣли свѣта, потому что галицкая (австрійско-польская) администрація, которая тогда только что начала борьбу у себя съ украинскимъ и польскимъ соціалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе, и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали, ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе не непредвидимое и не необходное препятствіе.[1] Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 г. въ 56 №-рѣ „Вольнаго Слова“, когда (только!) намъ былъ доставленъ единственный спасенный ея экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавняго времени“).

Самыя замѣчательныя мѣста въ этой статьѣ: критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земства на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., авторъ говоритъ: „Мы думаемъ, что полтавское и харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей, ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія.“[2]

Послѣ неудачнаго опыта кіевской Лиги во Львовѣ, только въ августѣ 1881 года „Земскій Союзъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“ въ Женевѣ. Первоначальная редакція этой газеты стояла на пути кіевской Лиги, а именно рядомъ съ

---

[1] Мысль печатанія либеральныхъ публикацій для Россіи въ Галиціи — очень счастливая, но въ то время тамъ еще не сложились дальновидныя и достаточно вліятельныя группы украинскія и польскія, которыя помогли бы такому дѣлу, прямо полезному для ихъ соплеменниковъ въ Россіи. Теперь едва начинаютъ онѣ слагаться.

[2] Этотъ терминъ „Учредительное Собраніе“, болѣе абстрактно радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу „Народной Воли“. Авторъ статьи „Ближайшія задачи земства“ самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ Собраніи, предлагая земству „отвергнуть всякую конституцію, данную сверху“ — какъ „конституціонную комедію“.

пропагандой идей земскаго самоуправленія, она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго, т. е. собственно принципіальнаго терроризма, такъ какъ „Вольное Слово“ смотрѣло на политическія убійства (не совсѣмъ точно называвшіяся терроризмомъ, такъ какъ терроръ французскихъ якобинцевъ былъ системою извѣстнаго правительства, а не заговорщиковъ), какъ на естественное послѣдствіе извѣстной правительственной системы и признакъ общественнаго раздраженія противъ нея,[2] но не какъ на цѣлесообразный способъ политической борьбы. Въ 1882 г. обострился еще одинъ мотивъ къ раздѣленію между „Вольнымъ Словомъ“ и русскими революціонными кружками, такъ какъ въ это время въ „Народной Волѣ“ окончательно воспреобладало направленіе „якобинское“ — централистическое и даже диктаторіальное (см. „Нар. Воля“, №№ 8—9 и нашу статью „Нар. Воля‘ о централизаціи революціонной борьбы въ Россіи“, „В. Сл.“, №№ 37—38 и выше стр. 391), которое рѣшительно пошло въ разрѣзъ съ земскими стремленіями къ самоуправленію.[2] Изъ другихъ направленій

---

[1] Ср. выше слова Тверского земства.

[2] Каковы были политическія идеи у разныхъ лицъ и въ кружкахъ, группировавшихся около „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“, остается и до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ. О существованіи различій между федералистами и централистами въ самомъ Исполнительномъ Комитетѣ до 1-го марта 1881 г. есть указаніе въ письмѣ къ намъ Желябова („В. Сл.“, № 39 и выше стр. 413), а въ книгѣ г. Тихомирова (La Russie politique et sociale, I изд., 281, 440) есть намеки на коренныя различія между „террористами“ и якобинцами, которыхъ г. Тихомировъ называетъ собственно „народовольцами“. Необходимо замѣтить, что съ якобинизмомъ, который въ комбинаціи съ соціализмомъ проповѣдывался въ 60-е годы въ „Мол. Россіи“, въ 70-е гг. въ „Набатѣ“ и послѣ 1 марта 1881 г. воспреобладалъ въ „Нар. Волѣ“ (по 1883 г. и потомъ перешелъ въ заграничный „Вѣстн. Народ. Воли“), случилось у насъ недоразумѣніе, едва ли еще не большее, чѣмъ съ „терроризмомъ“. Французскіе якобинцы 1792—93 гг. вовсе не были заговорщиками, „захватившими власть“ посредствомъ coup d'état въ деспотическомъ государствѣ, но партіей, которая организовалась уже при существованіи въ странѣ значительной свободы (со времени самого призыва къ états généraux въ 1788 г.) и которая имѣла за собою большинство въ національномъ конвентѣ, каковой былъ созванъ предыдущимъ законодательнымъ собраніемъ и представлялъ законное правительство страны. Какъ только якобинцы, диктатура которыхъ, надо помнить, объяснялась еще и военнымъ положеніемъ, потеряли поддержку этого большинства, между прочимъ черезъ попытки на coups d'état, то потеряли и власть, послѣ чего coups d'état удался уже ген. Бонапарту и тѣмъ только якобинцамъ, которые къ нему пристали. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ недавняго времени якобинство имѣло себѣ источникомъ, кромѣ авторитарныхъ стремленій, свойственныхъ извѣстной части русскаго населенія, особенно столичнаго, своего рода компромиссъ новѣйшаго политическаго революціонизма съ остатками стараго народничества, которые не могли разстаться съ вѣрою въ непосредственное осуществленіе соціалистическаго идеала. Такъ какъ иллюзію о соціалистическомъ большинствѣ въ русскомъ народномъ собраніи, которая сначала излагалась въ „Нар. Волѣ“, трудно было под-

въ русскомъ соціалистическомъ движеніи даже довольно широко представлено было въ „Вольномъ Словѣ“ 1881—1882 г. направленіе соціально-демократическое, заграничные публицисты котораго не задолго передъ тѣмъ издавали „органъ соціалистовъ-федералистовъ“ („Черный Передѣлъ“). Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленствомъ и чернопередѣльской соціалдемократіей, которая все больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ (см. особенно въ 34 и 35 №№ „Письма о рабочемъ движеніи“ и „Замѣтку отъ редакціи“). Чернопередѣльская соціалдемократія была устранена изъ „Вольнаго Слова“, и газета приняла болѣе цѣльное направленіе, объявивъ себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“ (см. передовую статью въ № 37, 15 мая 1882 г.). Она, впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направленій (даже въ защиту „террористовъ“, см., напр., въ № 38 „Наканунѣ терроризма“, ср. раньше въ № 10 „Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся въ Россіи партій“) и много посвящала мѣста соціальному вопросу, слѣдя за разнородными проявленіями его въ Европѣ и Америкѣ (напр., здѣсь сдѣлано было первое на русскомъ языкѣ довольно обширное изложеніе ученія Генри Джоржа о національзаціи земли) и выражая сочувствіе тѣмъ изъ соціалистическихъ направленій, которыя хотятъ разрѣшенія соціально-экономическихъ вопросовъ на почвѣ гражданской свободы и самоуправленія.

Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно

держивать, а признать, что при политической свободѣ приложеніе къ жизни идей соціализма будетъ зависѣть отъ сознательной борьбы разныхъ классовъ на почвѣ самоуправленія, т. е. отъ медленной и болѣе или менѣе законной агитаціи, было довольно тяжело для многихъ „народниковъ-революціонеровъ“, то оставалось только ухватиться за новую иллюзію предварительнаго соціально-экономическаго преобразованія Россіи посредствомъ революціонной диктатуры, а потомъ уже созванія народнаго собранія. Эту иллюзію можно было бы оставить совсѣмъ безъ возраженій, если-бъ она не поддерживала въ извѣстныхъ кругахъ, особенно у молодежи, авторитарно-бюрократическихъ идей и не открывала даже возможности примиренія разнаго рода народниковъ-якобинцевъ съ существующимъ царско-бюрократическимъ строемъ, какъ только наступило бы у нихъ разочарованіе въ вѣрѣ въ абсолютизмъ революціонный.

земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено.

Не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіей и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи.

Достаточно было правительству припугнуть земскій либерализмъ высылкою нѣсколькихъ человѣкъ (и то „въ мѣста не столь отдаленныя") и даже выговорами, чтобы цѣлые планы о заявленіяхъ, напр., даже противъ административной ссылки, оставлялись въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторые земцы и даже цѣлыя собранія, которыя просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, доводили оппортюнизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простого разумѣнія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называетъ крамолой и соціальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещиваетъ именемъ анархизма. Между тѣмъ соціальное движеніе теперь неизбѣжно во всякой европейской странѣ, и, чѣмъ болѣе и чѣмъ давнѣе страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и наоборотъ; политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которыя могутъ быть вездѣ (покушеніе Пассананте на короля Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно вслѣдствіе гнета и жестокостей правительства. Неизбѣжными теперь стали и проявленія соціальнаго терроризма (они собственно существовали отъ вѣка, только теперь для нихъ придумана ново-анархическая теорія), и, если въ Россіи продлится теперешній порядокъ, то они станутъ многочисленнѣе и сознательнѣе.[1]

Г. Кеннанъ говоритъ со словъ своихъ знакомыхъ земскихъ либераловъ: „нельзя было ничего достигнуть мирнымъ способомъ, если террористы стали бы

[1] Пока толки извѣстной части русскихъ революціонеровъ, какъ напр., „Молодыхъ Народовольцевъ", о фабричномъ и аграрномъ террорѣ (см. „Процессъ 21-го", Женева, 1888, стр. 17—18) остаются разговорами.

продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія.“ Но именно въ такой постановкѣ вопроса и была вся ошибка земскихъ либераловъ: нужно было принять дѣйствительность, какъ она есть: и съ даннымъ правительствомъ, и съ террористами, и построить свой планъ дѣйствій при этихъ условіяхъ, на всякій случай, и при этомъ планъ дѣйствій, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Собственно вполнѣ „мирныхъ способовъ“ у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣненіи высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ, и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія и возвратить Россію къ николаевскимъ порядкамъ. Земскимъ либераламъ приходится теперь или помириться съ этимъ уничтоженіемъ и принять самимъ только „выжидательное положеніе“ или же остановить правительство на гибельномъ для Россіи пути. Но въ настоящее время у нихъ остался только одинъ вполнѣ легальный путь: личныя заявленія императору или хоть членамъ государственнаго совѣта, которые захотятъ способствовать открытію царскихъ глазъ. Конечно, и этимъ путемъ можно достигнуть кой-какихъ результатовъ, впрочемъ, развѣ только чисто отрицательныхъ, напр., сохраненія status quo, да и то только при условіи, если этотъ пріемъ будетъ импонировать числомъ личностей. Но и для этого надобны энергія и сговоръ, а слѣдовательно и извѣстный рискъ.[1]

[1] Вся наша статья была набрана, когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться вѣсти, что Толстовскіе проекты встрѣтили чуть ли не единодушную оппозицію въ государственномъ совѣтѣ и по всей вѣроятности отвергнуты будутъ и государемъ. (??) Еслибы такъ и было, то это отнюдь не можетъ успокоить даже самыхъ умѣренныхъ сторонниковъ однихъ земскихъ учрежденій даже въ ихъ теперешнемъ видѣ. Вѣдь практика 25 лѣтъ показала, что даже примѣненіе Положенія 1864 г. невозможно при существующей общей системѣ администраціи и правительства въ Россіи, не говоря уже о томъ, что практика эта показала и недостатки самаго этого Положенія и необходимость измѣненій въ немъ въ болѣе демократическомъ и либеральномъ духѣ. Гдѣ ручательства, что эти измѣненія будутъ сдѣланы, даже еслибы гр. Дм. Толстой и счелъ нужнымъ выйти въ отставку, когда нѣтъ ручательствъ даже на то, что его не замѣнитъ какой-нибудь новый гр. Ва-

Коллективныя же заявленія въ собраніяхъ теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, возможны безъ сговора и рѣшимости „выйти изъ легальности, чтобы вступить въ право“, т. е. просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводительскихъ остановокъ преній, для чего надо, чтобы земцы хоть нѣскольскихъ губерній, которымъ придется открыть кампанію, не побоялись, по крайней мѣрѣ, административной ссылки.[1] Достанетъ ли теперь у земцевъ на это рѣшимости? — вотъ въ чемъ вопросъ! Пока, исторически обозрѣвая прошлое, мы должны сказать, что такихъ качествъ, какъ рѣшимость, у земскихъ либераловъ не было.

Эта, какъ и большая часть другихъ отмѣченныхъ выше слабостей нашего земскаго либерализма, можетъ быть объяснена недостаточнымъ количествомъ въ земскихъ кругахъ молодыхъ элементовъ радикальнаго направленія. А это объясняется въ свою очередь тѣмъ, что съ самыхъ 60-хъ годовъ, а особенно съ 70-хъ, наша молодежь выступала на политическую борьбу слишкомъ въ юномъ возрастѣ, прежде чѣмъ успѣвала получить спеціальное образованіе, а тѣмъ болѣе профессіональное положеніе, а также и тѣмъ, что въ нашихъ радикальныхъ кругахъ вопросы собственно политическіе (государственно-административные) не пользовались вниманіемъ и даже вовсе отрицались для вопросовъ соціально-экономическихъ, которые одни считались н а р о д н ы м и, при чемъ эти послѣдніе вопросы представлялись у насъ какъ-то внѣ реальныхъ государственно - административныхъ учрежденій. Вотъ почему наши радикалы-народники не только не думали входить въ земство, но даже мало интересовались тѣмъ, что въ немъ дѣлается и думается.

Съ нѣкотораго времени это положеніе начинаетъ

луевъ, Тимашевъ, Маковъ?...? По всему этому земскій вопросъ и даже вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., остается во всякомъ случаѣ все въ томъ-же положеніи, какое мы имѣли въ виду, составляя нашу статью.

[1] Г. Леруа Больё сообщаетъ, что г. Гордѣенка и другихъ предположено было въ Петербургѣ выслать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ-Меликову удалось остановить эту мѣру (op. cit. 225). Не знаемъ, насколько вѣрно это свѣдѣніе, очевидно, полученное „отъ одного бывшаго министра“. Неизвѣстно и то, сколько земцевъ поплатилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губернію. Слухи, которые ходили о г. Винбергѣ изъ Таврической губерніи и г. Костливцевѣ изъ Новгородской, неясны.

измѣняться, и теперь не рѣдко приходится слышать толки о необходимости сближенія радикаловъ съ „обществомъ“, а слѣдовательно и съ земцами, которые представляютъ его наибольшую и наиболѣе независимую отъ службы часть, сближенія съ цѣлью совмѣстнаго добыванія политической свободы, къ признанію необходимости которой жизнь привела, хотя и разными дорогами, народниковъ-радикаловъ, какъ и земцевъ. Это большой шагъ впередъ, который безплодно не пропадетъ. Но съ своей стороны мы опасаемся, какъ бы и это „хожденіе“ въ общество и земство не привело къ разочарованію, подобному тому, какое послѣдовало за хожденіемъ въ народъ, — опасаемся, что въ настоящихъ нашихъ общественно-земскихъ кругахъ найдется только сознаніе необходимости и формъ политической свободы, но мало силъ, способныхъ на немедленную дѣятельную борьбу за нее, такъ что можетъ оказаться, что нашимъ активнымъ радикаламъ собственно и сближаться будетъ не съ кѣмъ. Если это такъ, то нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами и активными либералами. Это, конечно, замедлитъ установленіе въ Россіи политической свободы, но въ нашъ вѣкъ, когда общественное сознаніе растетъ ускоренно, это замедленіе не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Правда, теперь всякое замедленіе можетъ подвергнуть нашу страну большимъ бѣдствіямъ, но общества и народы неизбѣжно несутъ наказанія за свою слабость, невѣдѣніе и ошибки. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти наказанія пойдутъ Россіи въ прокъ, и тогда, какова-бы ни была судьба теперешнихъ земскихъ учрежденій, но общественное мнѣніе въ Россіи станетъ, конечно, съ большей энергіей вновь на ту точку, на которую стали либеральныя дворянскія собранія 1858—1862 гг. и земскія — въ 1879—1883 гг.

Суженаго конемъ не объѣдешь!

Если теперешнія земскія учрежденія будутъ отмѣнены, то либеральныя требованія появятся опять въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ въ 1858—1862 гг.; если

же земства, переживутъ нынѣшній кризисъ, то, спустя извѣстное время, онѣ опять „сдѣлаются, — говоря языкомъ московской реакціонной газеты, — театромъ конституціонныхъ сатурналій“, какъ въ 1879—1883 гг.

Въ началѣ настоящаго очерка мы сказали, что либеральное движеніе въ Россіи растетъ по неотразимымъ законамъ исторіи. Факты, которые мы изложили выше, показываютъ, что Россія вступаетъ въ періодъ, подобный тому, который прошла, напр., Франція передъ 1788 г. и Пруссія передъ 1847 г. и который долженъ кончиться въ томъ же родѣ, въ какомъ онъ кончился въ названныхъ странахъ, т. е. политической реформой. Это должно произойти, какъ вслѣдствіе связей Россіи съ Западной Европой, такъ и по ходу внутренняго развитія Россіи. Нѣтъ ничего конеправильнѣе противопоставленія Россіи Западу, которое есть въ сущности отголосокъ односторонняго, исключительно вѣроисповѣднаго взгляда на жизнь и исторію. Даже если забыть цѣлую западную половину Россіи (отъ Новгорода до Украйны), имѣвшую всегда столько соприкосновеній и аналогій съ Западной Европой, а остановиться на одномъ Московскомъ государствѣ, котораго учрежденія стали теперь рамкой для политической жизни всего населенія Россійской имперіи, то увидимъ, что учрежденія эти, при всѣхъ своихъ мѣстныхъ отличіяхъ, принадлежатъ къ типамъ, общимъ всѣмъ большимъ европейскимъ континентальнымъ государствамъ христіанской эпохи. Во главѣ всѣхъ этихъ государствъ мы видимъ сначала монарха, окруженнаго различной силы совѣщательными земскими элементами, потомъ монарха самодержавнаго, окруженнаго исходящею изъ него бюрократіей, а, наконецъ, постепенную атрофію монархически-бюрократическаго элемента передъ земскимъ выборнымъ, который самъ все болѣе демократизируется. Главное отличіе исторіи московскаго строя отъ исторіи родственныхъ ему европейскихъ вовсе не качественнаго характера и состоитъ лишь въ относительной отсталости видоизмѣненій его, которая объясняется

запоздалостью появленія Московскаго государства на исторической сценѣ.

Сопоставленіе хронологическихъ данныхъ политической исторіи Московскаго государства и, напримѣръ Франціи, съ которой оно наиболѣе сходно, такъ поучительно, что мы считаемъ нужнымъ даже и въ этомъ краткомъ очеркѣ напомнить нѣсколько крупнѣйшихъ изъ этихъ данныхъ.

Выдѣленіе Франціи изъ Каролингскаго конгломерата въ 843 г.
Выдѣленіе Владимірско-Московскаго княжества изъ старо-русской политической системы около . . . . . „ 1243 г.

разница на 400 л.

Окончательное сложеніе Etats Généraux во Франціи „ 1302 г.
Первый Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ . . „ 1550 г.

разница на 248 л.

Послѣднее собраніе Etats-Généraux . . . . „ 1614 г.
Послѣдній Земскій Соборъ „ 1698 г.

разница на 84 г.

Попытка созванія Etats-Généraux во время Фронды въ 1649—1651 гг.
Попытка ограниченія самодержавія императрицы Анны „ 1730 г.

разница на 79 л.

Такъ какъ разстояніе между этапами политической жизни Франціи и Россіи съ каждымъ изъ нихъ сокращается, то французскому собранію новыхъ Etats Généraux въ 1789 г. давно уже должно было бы соотвѣтствовать созваніе новаго Земскаго Собора въ Россіи. Это не случилось до сихъ поръ только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій и усложненій положенія Россіи съ XVIII в. и между прочимъ вслѣдствіе своеобразнаго отраженія на ней европейскихъ событій.

Во первыхъ Московское царство съ конца XVII в., послѣ присоединенія къ нему Малороссіи, пріобрѣло слишкомъ скоро на югѣ и западѣ обширныя области съ разнообразнымъ населеніемъ и учрежденіями.[1] Области эти не могли быть скоро приведены къ политическому единству инымъ способомъ, кромѣ въ началѣ диктаторіальнаго, съ извѣстными уступками мѣстнымъ земскимъ элементамъ (казакамъ и пр. въ Малороссіи, феодаламъ и отчасти городамъ въ Балтійскомъ краѣ), а потомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго объединенія централизаціей бюрократической. Позже всѣхъ пріобрѣтенная область, — Царство Польское, уже въ эпоху европейскаго либерализма, присоединена была даже въ видѣ особаго конституціоннаго государства, какъ не задолго передъ тѣмъ и Финляндія, но не будучи такъ отрѣзана отъ остальной Россіи и географіей, и этнографіей, она подошла, наконецъ, подъ общее диктаторіально-бюрократическое ярмо. Между тѣмъ пока разныя области Россіи находились на различномъ положеніи, при чемъ новыя области пользовались многими привилегіями, въ Россіи не могла выработаться солидарная оппозиція самодержавію; сепаратистическія же стремленія въ какой-нибудь изъ нихъ вызывали въ области центральной реакцію въ пользу этого самодержавія, подъ управленіемъ котораго области эти были пріобрѣтены.

Къ сказанному надо прибавить, что самое превосходство въ цивилизаціи западной половины Россіи надъ Великороссіей, было причиною того, что западнымъ людямъ открывалась карьера при центральномъ правительствѣ, которая отвлекала ихъ отъ мѣстныхъ дѣлъ и привязывала ихъ къ этому правительству и его формѣ. Вспомнимъ, что во время попытки ограничить самодержавіе императрицы Анны, либералами явились вельможи-великоруссы, тогда какъ малороссы-духовные и нѣмцы-чиновники стали на сторону самодержавія.

---

[1] Въ этомъ пріобрѣтеніи дѣйствовала какъ экспансивная сила русскаго государства, такъ еще больше слабость сосѣднихъ державъ, вслѣдствіе національно-сословныхъ антагонизмовъ по всей полосѣ отъ Финляндіи до Чернаго моря.

Запоздавши такимъ образомъ и застоявшись въ фазѣ самодержавія долѣе, чѣмъ слѣдовало, по ходу внутренняго процесса развитія, Россія XVIII в. попала въ такое отношеніе къ западной Европѣ, что даже сближеніе ея съ этой послѣдней должно было замедлить ее еще болѣе въ самодержавномъ періодѣ. Неограниченное царство сложилось въ Россіи тогда, когда западная Европа вступила въ періодъ такъ называемаго „просвѣщеннаго деспотизма“, а такъ какъ въ добавокъ судьба послала россійскому самодержавію талантливаго человѣка въ лицѣ Петра Великаго, то самодержавіе это стало въ Россіи на извѣстное время идеаломъ именно наиболѣе образованныхъ людей. Другая талантливая личность на русскомъ тронѣ, Екатерина II, рѣшилась даже на такую демонстрацію передъ „просвѣщеннымъ“ вѣкомъ, какъ созваніе подобія земскаго собора въ 1767 году (т. е. за 22 года раньше французскаго собранія 1789 г.), не опасаясь за цѣлость своего деспотизма. Но вскорѣ затѣмъ западныя европейскія страны абсолютно монархическаго строя, успѣвши извѣриться въ надеждахъ на деспотизмъ, даже просвѣщенный, стали стремиться къ общественному самоуправленію, принципы котораго ясно и были поставлены во французскомъ національномъ собраніи 1789—1791 гг. Русское самодержавіе увидѣло въ этомъ угрозу и себѣ и съ той поры стало отказываться отъ исполненія всякихъ прогрессивныхъ обязанностей, какъ старой, военно-религіозной монархіи, такъ и новой, философской.

Между тѣмъ одно изъ отличій Московскаго царства отъ западно-европейскихъ монархій состояло какъ разъ въ томъ, что въ послѣднихъ монархизмъ помогалъ освобожденію массъ народа отъ феодальной аристократіи и почти окончилъ эту работу передъ началомъ освободительнаго періода, тогда какъ въ Московіи и потомъ въ Россіи XVIII в., именно въ самодержавно-монархическій періодъ, крестьянство было закрѣпощено духовенству и служилому дворянству. Обстоятельство это должно быть объяснено колонизаціонными и военными отношеніями въ Восточно-европейской равнинѣ, гдѣ, напр., Московское царство XVI—XVII в.,

будучи, по политическому возрасту, ровесникомъ Франціи при короляхъ Валуа, въ упомянутыхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало Франкскому государству при Меровингахъ и Каролингахъ, вотъ почему основа феодализма, — раздача земель служилымъ людямъ, со всѣми послѣдствіями ея, продолжалась въ Московіи и Россіи даже до XIX в., да въ иныхъ формахъ, тянется и до нашего времени.[1] Съ устройствомъ войска на ново-европейскій ладъ, а также подъ вліяніемъ идей „просвѣщеннаго“ вѣка, и россійское самодержавіе готово было (при Екатеринѣ II) взяться за освобожденіе крестьянъ, но натолкнувшись на новѣйшее европейское освободительное движеніе, самодержавіе это испугалось и сдѣлалось консервативнымъ по всѣмъ пунктамъ. Въ этомъ консерватизмѣ укрѣплено было оно еще и прямымъ вліяніемъ западнаго легитимизма, который внушалъ русскимъ самодержцамъ идею объ ихъ всемірномъ противореволюціонномъ призваніи.

Въ императорѣ Николаѣ мы видимъ характернѣйшее совмѣщеніе стараго византійско-московскаго царизма, оправленнаго въ новыя версально-потсдамскія формы, съ новѣйшимъ контръ-революціоннымъ диктаторствомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ парализируя во всѣхъ направленіяхъ развитіе Россіи, система Николая I постепенно обличила свою несостоятельность, сначала передъ наиболѣе образованными людьми, а наконецъ и передъ всѣми, сколько-нибудь думавшими практиками. Послѣ этого обличенія можно было ожидать, что самодержавіе въ Россіи быстро уступитъ мѣсто общественному самоуправленію, но именно объясненное выше замедленіе пребыванія Россіи въ этапѣ самодержавія, совпавши съ новымъ прогрессомъ Западной Европы, было причиною новыхъ условій для дальнѣйшей запинки Россіи въ этомъ же этапѣ.

Около 1848 г. въ Западной Европѣ прогрессивныя партіи раздѣлились на умѣренно либеральныя и радикальныя, отъ которыхъ въ свою очередь стали отдѣляться фракціи соціалистическія, при чемъ нѣкоторыя

[1] Что форма правленія тутъ играла второстепенную роль, видно и изъ того, что закрѣпленіе крестьянъ росло въ XV—XVIII в. и въ полуреспубликанской Польшѣ съ Литвой.

изъ послѣднихъ, по реакціи старымъ сословно-либеральнымъ партіямъ, стали было даже склоняться къ диктаторіальнымъ идеямъ и даже къ союзу съ цезаризмомъ. Всѣ эти раздѣленія пустили свои отголоски и въ Россіи и при томъ даже раньше, чѣмъ ходъ жизни создалъ реальную подкладку для этихъ раздѣленій. А такъ какъ въ Россіи, при наслѣдникѣ Николая I, подвинутомъ къ реформамъ послѣ неудачной войны, начатой Николаемъ, должно было возродиться даже поклоненіе „просвѣщенному" деспотизму, то упомянутыя раздѣленія оказались какъ нельзя болѣе на руку обсолютизму, какъ это и показываютъ многія данныя настоящаго очерка.

Но изъ этого же очерка видно, что въ послѣдніе годы сама жизнь въ Россіи успѣла обнаружить, какъ неосновательность надеждъ на „просвѣщенный" деспотизмъ, такъ и необходимость политической свободы для радикально-демократическаго и соціалистическаго движенія, и сдѣлать либерализмъ непремѣннымъ догматомъ для всякаго послѣдовательнаго русскаго прогрессиста, какъ и для всякаго сознательнаго сторонника даже внѣшняго благоустройства страны. Такимъ образомъ теперь подкопаны однѣ изъ послѣднихъ указанныхъ выше идейныхъ препятствій къ торжеству либерализма въ Россіи. Остается лишь, чтобы ослабѣли племенные антагонизмы и чтобы у передовыхъ людей разныхъ племенъ Россіи выработалось сознаніе необходимости солидарнаго дѣйствія для преобразованія ея политическаго строя къ общему благу. Большимъ пріобрѣтеніемъ послѣдняго времени, дающимъ надежду на благопріятный исходъ также и племенного вопроса слѣдуетъ счесть то обстоятельство, что либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ поставило отчетливо мѣстное самоуправленіе важнѣйшею частью своихъ требованій.

Если теперь всѣ образованные люди разныхъ племенъ населенія Россіи усвоятъ себѣ безповоротно и послѣдовательно начала, лежащія въ основѣ русскаго земскаго движенія и предлагаемыя въ осязательной формѣ, — а именно, требованія неприкосновенности основныхъ правъ лица и мѣстнаго

самоуправленія, обезпеченныхъ самоуправленіемъ государственнымъ, тогда главная часть работы добыванія для Россіи политической свободы будетъ сдѣлана.

Нечего смущаться теперешней матеріальной слабостью либерализма въ Россіи и огромными силами въ распоряженіи самодержавія. Матеріальными силами, конечно, пренебрегать нельзя и либерализму нашему надо пріобрѣтать ихъ во всѣхъ элементахъ населенія Россіи: въ такъ называемъ „обществѣ" и „народѣ", среди „рабочихъ" и въ арміи. Но матеріальная сила въ вопросахъ внутренней политики далеко не все и даже не главное. Въ наши времена сочувственная, или, по крайней мѣрѣ, нейтральная нравственная атмосфера есть необходимое условіе для дѣйствія всякаго политическаго строя; лишенный ея всякій политическій порядокъ задыхается и падаетъ при малѣйшемъ толчкѣ и даже безъ него. Такъ палъ королевскій абсолютизмъ во Франціи не 14 іюня 1789 года, когда толпа парижанъ осадила Бастилію, а еще раньше вслѣдствіе общественнаго сознанія, которое поставило на уста каждаго образованнаго француза слова: Etats Généraux, созваніе которыхъ было рѣшено еще лѣтомъ 1788 г. послѣ волненій въ нѣсколькихъ провинціяхъ и заявленій земскаго собранія (états) въ Дофине по поводу реформы судебныхъ палатъ (парламентовъ). Такъ прусскій абсолютизмъ палъ не вслѣдствіе борьбы на улицахъ Берлина 18—19 марта 1848 г. (которая вспыхнула случайно и по поводу вопроса второстепеннаго — національной гвардіи), а уже въ 1847 г., когда король-реакціонеръ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражающагося, между прочимъ, и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provinzialstände), созвалъ объединенное ихъ собраніе (der vereinigte Landtag по патенту 3 февраля 1847 г.). Сами 12—14 іюля въ Парижѣ и 18 марта въ Берлинѣ только потому и были возможны, что окружавшая уже правительства нравственная атмосфера не позволила имъ употребить противъ столичныхъ возстаній матеріальную силу, которой у этихъ правительствъ было еще достаточно. 13 марта 1848 года австрійское

правительство, застарѣлое въ реакціи, поддалось собственно горсти вѣнскаго населенія, которая приступила къ нему съ требованіями отставки Меттерниха и объявленія политическихъ вольностей, потому что Меттернихъ и вся его система были уже нравственно убиты въ общественномъ сознаніи, которое проникло и въ старомодныя провинціальныя земства (Landtage). Да и раньше уличныхъ волненій въ Вѣнѣ правительство уже уступало въ главномъ пунктѣ, такъ какъ уже 12-го марта послѣ либеральныхъ адресовъ (промышленнаго общества, юридическо-политической читальни и студенческаго, переданнаго профессорами) и въ виду адреснаго проекта либераловъ нижнеавстрійскаго земскаго собранія (о созывѣ общаго земскаго представительства, отмѣнѣ цензуры и пр.) правительство составило рескриптъ, которымъ обѣщало подобное представительство.

Бонапарты нашли силу обстрѣливать Парижъ, а Габсбурги — Вѣну, Гогенцоллерны возвратили войска свои въ Берлинъ, когда въ общественномъ мнѣніи обнаружились раздѣленія, но единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учрежденій, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда обезоруживало самыя реакціонныя правительства.

Женева 28 ноября 1888 г.

Прибавленіе

къ польскому переводу статьи „Земскій либерализмъ въ Россіи.[1]

Я очень благодаренъ редакціи „Kurjera Lwowskiego“ за изданіе польскаго перевода этой моей работы. О ней самой я не особенно высокаго мнѣнія, но несмотря на это я считаю чрезвычайно важнымъ знаменіемъ времени тотъ фактъ, что польская газета взялась за изданіе работы, трактующей объ одномъ изъ процессовъ внутренней жизни Россіи. Какова бы ни была судьба русскихъ земствъ въ ближайшіе годы, всетаки эти земства благодаря своей преданной работѣ на пользу народнаго и мѣстнаго благосостоянія оставятъ по себѣ воспоминаніе, какъ объ одномъ изъ самыхъ симпатичныхъ проявленій общественной жизни въ Россіи. Не будутъ забыты также и проекты земствъ относительно административной и даже политической реформы. Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что дальнѣйшій прогрессъ Россіи во всякомъ случаѣ начнется съ той точки, до которой дошли земства, и выразится въ осуществленіи тѣхъ проектовъ, которые были выработаны земствами, несмотря на всѣ помѣхи, которыя имъ дѣлало правительство.

Это одно уже должно обратить вниманіе на русскія земства и за предѣлами Россіи. Отчасти это уже и имѣетъ мѣсто въ англійской и французской прессѣ, изъ которыхъ послѣдняя можетъ похвалиться такимъ трудомъ, какъ неоднократно цитируемое нами сочиненіе Анатоля Леруа-Болье „L'empire des Tzars et les

---

[1] Это прибавленіе къ польскому переводу статьи „Земскій либерализъ въ Россіи“, который былъ сдѣланъ извѣстнымъ галицко-украинскимъ писателемъ, Иваномъ Франкомъ, было напечатано вмѣстѣ съ переводомъ самой статьи сперва въ газетѣ „Kurjer Lwowski“, а затѣмъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Z dziejow liberalizum w Rosji“. przez M. Dragomanowa, Lwow 1889. Для нашего изданія мы перевели его на русскій языкъ. Прим. ред.

russes“. Хотя это и можетъ показаться страннымъ, но внутреннія дѣла Россіи и въ томъ числѣ земства обратили на себя гораздо меньше вниманія въ прессѣ и обществѣ въ Германіи и Австріи даже въ средѣ славянъ. А, между тѣмъ, это должно было быть наоборотъ, не только вслѣдствіе близкаго сосѣдства, но еще больше вслѣдствіе того, что въ числѣ народовъ Россіи есть также нѣмцы, поляки и русины-украинцы. Нечего удивляться прессѣ австрійскихъ русиновъ, принявъ во вниманіе ея общее политическое дѣтство. Что же касается того, что нѣмецкая и польская пресса обращаетъ мало вниманія на внутреннія дѣла Россіи и въ томъ числѣ на общественно-цивилизаторскую работу земствъ и на тѣ политическіе процессы, которые развивались въ ихъ средѣ, то на это должны быть какія то спеціальныя причины.

Самыя важныя изъ этихъ причинъ заключаются, по нашему мнѣнію, въ томъ обособленномъ положеніи (Sonderstellung) балтійскихъ нѣмцевъ и поляковъ въ Россіи, которое явилось слѣдствіемъ ихъ исторіи. Балтійскія провинціи, а также нынѣшнее Царство Польское были присоединены къ Россіи въ то время, когда коренныя русскія провинціи (кромѣ Малорусской Гетьманщины, автономной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще до половины XVIII ст.), были лишены какого бы то ни было мѣстнаго представительства и автономіи, если не считать дворянскихъ привилегій, дарованныхъ въ концѣ XVIII ст. Притомъ они были присоединены на привилегированныхъ основаніяхъ. Балтійско-нѣмецкое дворянство, а отчасти и мѣщанство сумѣли добиться отъ Петра I привилегій на извѣстную автономію, довольно аристократическую и довольно широкую для привилегированныхъ слоевъ. Что же касается Царства Польскаго, то оно было присоединено къ Россіи, какъ конституціонное королевство.

Съ того времени балтійскіе нѣмцы очень крѣпко держались своей привилегированной автономіи и охраняли ее при помощи лояльности по отношенію къ русскимъ самодержавнымъ царямъ, абсолютизмъ которыхъ надъ остальной Россіей и даже надъ Поль-

шей балтійскіе нѣмцы поддерживали даже еще больше, чѣмъ царскіе чиновники-великороссы. Поляки въ Царствѣ Польскомъ всегда были послѣдовательны въ своемъ автономизмѣ, можетъ быть, потому, что они вообще болѣе гуманитарны, чѣмъ балтійскіе нѣмцы, но они имѣли много общаго съ автономизмомъ этихъ послѣднихъ, когда совершенно обособлялись отъ остальныхъ русскихъ областей, особеннно заднѣпровскихъ.

Дальнѣйшей цѣлью большинства польскихъ либераловъ-автономистовъ было присоединеніе къ конституціонному Царству Польскому западныхъ губерній, которыя принадлежали Польшѣ до 1772 года. Въ 1830—31 гг. поляки стремились оторвать отъ Россіи всѣ эти губерніи вмѣстѣ съ Царствомъ Польскимъ. Эта попытка не удалась, и даже Царство Польское лишилось своей конституціи и сохранило только бюрократическую обособленность.

Въ 1863 году поляки возобновили борьбу за политическую обособленность и утратили также и административную самостоятельность. Несмотря на это, однако, польскіе политическіе дѣятели, если ужъ не прямо сохранили государственно-сепаратистическій идеалъ, то, по крайней мѣрѣ, остались при мысли о полной административной обособленности отъ остальныхъ русскихъ областей.

Та провинціальная автономія, которой добивались отъ петербургскаго правительства жители восточныхъ и южныхъ (великорусскихъ и украинскихъ) губерній и зачатки которой дѣйствительно получили въ положеніи о земствахъ 1864 г., совершенно не отвѣчала стремленіямъ поляковъ. Съ своей стороны правительство было радо, что можетъ не давать имъ и ея. Вся работа и усилія русскихъ земствъ на пользу мѣстнаго и народнаго благосостоянія прошли незамѣтно для русскихъ поляковъ, а если кто-нибудь изъ правобережныхъ польскихъ шляхтичей и обращалъ на нихъ вниманіе, то не выражалъ къ нимъ симпатіи и даже часто высказывалъ радость (какъ мнѣ самому приходилось это слышать въ Волынской губ.) по тому поводу, что отсутствіе земствъ обезпечиваетъ

шляхту отъ издержекъ на крестьянъ (на дороги, школы, больницы и т. п.). Не было замѣчено поляками также и государственно-либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ.

Нормально ли такое положеніе вещей?

Что касается балтійскихъ нѣмцевъ, то ихъ „Sonderstellung" таетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Административная централизація въ Петербургѣ ломаетъ не только ихъ аристократическія привилегіи, вредныя для большинства эстонскаго и латышскаго населенія, а также для мѣстныхъ русскихъ, которые, напримѣръ, въ Ригѣ довольно многочисленны, но и вполнѣ справедливыя ихъ права. Наряду съ централизаціей идетъ и „обрусеніе", которое угнетаетъ не только нѣмцевъ, но и эстонцевъ, и латышей, ожидавшихъ отъ русскаго правительства помощи для своихъ національныхъ движеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что угодничество передъ русскимъ самодержавіемъ не избавитъ уже балтійскихъ нѣмцевъ отъ нивелляторскихъ покушеній, и они теперь будутъ принуждены или ждать, не оторветъ ли Пруссія ихъ отъ Россіи (что, конечно, можетъ и не случиться), или объединиться у себя дома съ эстонцами и латышами и заключить союзъ со всѣми автономически-либеральными элементами во всей остальной Россіи.

Поляки въ Царствѣ Польскомъ, а тѣмъ болѣе въ западныхъ губерніяхъ находятся въ концѣ-концовъ въ такомъ же самомъ положеніи, развѣ только съ той разницей, что еще меньше есть надежды на то, чтобы отъ Россіи оторвалась какая-нибудь Кіевская или Могилевская губернія, чѣмъ на то, чтобы была оторвана Ливонія или Эстонія. Вслѣдствіе этого также выгоды отъ оторванія Царства Польскаго, даже еслибы оно наступило (конечно, какъ результатъ великой европейской войны) были бы для поляковъ крайне проблематичны. Въ экономическомъ отношеніи такое оторваніе было бы просто вреднымъ для Царства Польскаго. Съ національной точки зрѣнія польскія колоніи въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Правобережной Украйнѣ послѣ оторванія Царства Польскаго подверглись бы сильнѣйшему притѣсненію со стороны

русскаго правительства, которое съ этой цѣлью привлекло бы на свою сторону мѣстныя плебейскія національности, среди которыхъ даже у Жмуди существуетъ и теперь довольно сильный антиполонизмъ, а со временемъ можетъ развиться и своя національная исключительность, нетерпимая по отношенію ко всякому чужому меньшинству, а особенно къ такому незначительному, какимъ является польское меньшинство не только, напримѣръ въ Кіевской губерніи, но и среди Жмуди. На этихъ основаніяхъ я, по крайней мѣрѣ, считаю даже для поляковъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ и на ближайшее будущее не столько полезной политику сепаратизма, какъ политику децентралистическаго либерализма, который бы признавалъ право на существованіе каждой національности (національнаго языка), а одновременно предоставлялъ бы соотвѣтственную автономію всѣмъ политическимъ единицамъ, а именно: общинамъ, сельскимъ и городскимъ, и общинамъ сборнымъ, — уѣздамъ и областямъ, притомъ въ рамкахъ свободнаго государства.

Земскій либерализмъ въ Россіи какъ разъ и заключаетъ въ себѣ довольно опредѣленные зародыши такого политическаго идеала и уже по этому одному долженъ обратить на себя вниманіе поляковъ. Правда, судьба самихъ современныхъ земствъ въ Россіи не прочна. Вполнѣ возможно, что они будутъ уничтожены реакціоннымъ правительствомъ или, по крайней мѣрѣ, кореннымъ образомъ передѣланы. Это, однако, не измѣнитъ существа дѣла, а только помѣшаетъ на нѣкоторое время развитію и осуществленію вышеуказаннаго политическаго идеала. При первыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ Россія возвратится къ той исходной точкѣ, до которой дошли земства; земства же вернутся къ жизни и начнутъ дальше развиваться съ того мѣста, на которомъ ихъ удержала реакція 1883 г. Это значитъ, что съ земствами опять должны будутъ считаться такіе элементы въ Россіи, какъ поляки.

Здѣсь не мѣсто для изложенія моихъ личныхъ по-

литическихъ идеаловъ и мыслей, да у меня и нѣтъ для этого достаточной смѣлости. Я даже готовъ признать спорнымъ то, что я сказалъ выше. Только одно я позволю высказать здѣсь съ настойчивостью, обращаясь къ галицко-польскому обществу: если хотите узнать настоящую Россію (вмѣстѣ съ Украйной), присмотритесь къ земствамъ съ ихъ хорошими и худыми сторонами, присмотритесь внимательно, не тяготясь даже детальнымъ изученіемъ ихъ. Само собой понятно, что цѣлью моего изслѣдованія не было воспроизведеніе всѣхъ частностей. Я оставилъ въ сторонѣ даже общее описаніе всѣхъ другихъ сторонъ дѣятельности русскихъ земствъ, кромѣ политической ея стороны. А вѣдь есть еще и другія стороны, по которымъ можно было бы судить, чѣмъ могли бы быть заполнены рамки государственно-земской автономіи въ Россіи, если бы эта автономія тамъ дошла до своего полнаго развитія; есть работа и проекты работы надъ народнымъ просвѣщеніемъ, надъ улучшеніемъ санитарныхъ условій и народнаго благосостоянія, есть научныя изслѣдованія народной жизни, статистика, однимъ словомъ, самыя разнообразные труды, которые въ данный моментъ съ честью могутъ выдержать сравненіе съ трудами многихъ европейскихъ представительствъ даже не такихъ, какъ, напримѣръ, Галицкій Сеймъ послѣдней сессіи, придумавшій какъ разъ такіе порядки, которые или уже уничтожены русскимъ земствомъ (напримѣръ, уставъ о дорожной повинности), или теперь снова измышляются реакціоннымъ петербургскимъ правительствомъ въ противовѣсъ земствамъ (напримѣръ, уставъ о сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ).

Женева, 2 мая 1889 г.

